

ТАШ ЭНИКЛИС

НАСЛЕДНИКИ
ЭСТИМАР

18+

Таш Эниклис

Наследники. Эстимар

<https://litres.ru/74397799>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добрыня Горский выжил после встречи с Лихом и вернулся в отдел. Рана еще не зажила, Батьков смотрит на него как на покойника, но сидеть дома он больше не намерен.

Тем более в Руднограде продолжает убивать тот, кто не оставляет следов и владеет оружием, которого не существует.

И у него есть имя.

Эстимар.

Содержание

Дисклеймер	4
От автора	5
Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	42
Глава 3	71
Глава 4	101
Глава 5	121
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Таш Эниклис

Наследники. Эстимар

Дисклеймер

Предупреждение для читателя

Данное художественное произведение содержит сцены и темы, которые могут быть тяжелы для восприятия некоторой аудиторией, включая:

- употребление алкогольной продукции и табакокурение;
- сцены насилия, жестокости и убийств;
- описания смерти и психологически напряженных ситуаций.

Книга предназначена для зрелой аудитории.

Если перечисленные темы вызывают у вас сильный дискомфорт, тревогу или сильные эмоциональные переживания, рекомендую воздержаться от чтения.

Автор не пропагандирует употребление алкоголя и табакокурение и рекомендует придерживаться здорового образа жизни.

От автора

У каждого чудовища есть своя история. Но это не значит, что его обязательно надо пожалеть! А вот выслушать, пожалуй, стоит.

«Наследники. Эстимар» — вторая книга цикла «Наследники». И мы снова возвращаемся в Рудноград, где старые тайны не любят оставаться похороненными, мёртвые не всегда уходят насовсем, а прошлое умеет ждать столько, сколько потребуется.

Эта история о чудовище, которое когда-то было человеком, чужой вине, доставшейся по наследству, и людях, которые идут за своими, даже когда дорога ведёт туда, откуда можно не вернуться.

Рудноград снова открывает свои двери. Но теперь придёт-ся гораздо дальше.

Таш Эниклис

Пролог

Стася не видела, как оказалась в этой комнате. Только что была темнота, а теперь перед ней горела настольная лампа и в кресле у окна сидел незнакомый мужчина.

Он спал или просто задремал, запрокинув голову на высокую спинку. На коленях лежал раскрытый ноутбук. Рядом, на подоконнике, стояла чашка с недопитым чаем. За стеклом блестели мокрые крыши, ветер швырял дождь в окно, и капли дрожали в свете фонаря.

Стася попыталась осмотреться, но не смогла повернуть голову. Тело ей не подчинялось. Она вообще его почти не чувствовала. Только холод, застывший внутри костей, и тяжесть в руках.

Мужчина неожиданно вздрогнул и открыл глаза. Несколько секунд смотрел перед собой, не понимая, что его разбудило. Потом заметил ее и резко выпрямился.

— К-кто... кто вы?

Она хотела ответить, но вместо голоса из горла вырвался низкий скрежет. Мужчина замер. Ноутбук соскользнул с колен и ударился об пол. Экран погас, а комната сразу стала темнее.

— Как... как ты вошел? Кто ты, черт возьми?!

Она не знала. Не знала, где находится, кто этот человек и почему она стоит перед ним. Последнее, что помнила, —

свою квартиру, холодный пол под ногами и незастеленную кровать. Она сидела рядом, обняв колени, и боялась закрыть глаза. Потом, наверное, все-таки уснула.

Значит, это был сон. Обычный кошмар, в котором нельзя пошевелиться и позвать на помощь. Надо проснуться. Стася попыталась зажмуриться, но веки не слушались. Она смотрела на мужчину и чувствовала его страх. Тот уже заполнил комнату и смешался с запахом пыли, дождя и остывшего чая.

Мужчина медленно поднялся. Ему было лет сорок пять, может, немного больше. Полный, с редкими волосами, прилипшими ко лбу. На нем была белая рубашка с расстегнутым воротом и темные брюки. Самый обычный человек, который сидел ночью за ноутбуком и не ждал, что из угла его комнаты выйдет нечто.

Он шагнул к столу, не сводя с нее глаз.

— Д-д-деньги там, — быстро проговорил мужчина и кивнул на верхний ящик. — Берите. Все берите! Телефон тоже. Только уходите...

Стася снова попыталась сказать, что ей ничего не нужно, что она сама не понимает, как оказалась здесь. Но тело не позволило. Оно стояло неподвижно и чего-то ждало.

Мужчина осторожно потянулся к столу. Пальцы почти коснулись телефона, когда Стася вдруг поняла, что сейчас произойдет.

Сначала он повернется и побежит к двери. Она догонит прежде, чем тот успеет дотронуться до ручки. Первое лезвие

войдет в плечо и пробьет его насквозь. Второе распорет живот. Следующим будет горло. А потом сердце...

«Нет... Только не это...»

Мужчина схватил телефон и бросился к двери. Тело Стаси пришло в движение. Комната качнулась. Пол оказался непривычно далеко, стены будто стали ниже. Она не бежала, а переместилась одним резким рывком и оказалась у двери раньше него. Тот вскрикнул и отшатнулся. В его расширенных глазах она увидела свое отражение. Высокая черная фигура почти упиралась головой в потолок. Вместо рук из плеч тянулись два длинных лезвия, тонких, прямых и темных. Первое уже поднялось.

«Не надо!»

Она попыталась остановить его, но ничего не изменилось. Лезвие ударило мужчину в плечо, прошло сквозь кость и пригвоздило к стене. Телефон выпал из руки мужчины, несколько раз стукнулся об пол и отлетел под кресло. Крик захлебнулся. Ноги беспомощно заскребли по обоям.

Стася чувствовала все. Сопротивление кожи, хруст кости, теплую кровь, которая потекла по черному лезвию. Чувствовала, но не управляла ни одним движением.

Второе острие вошло снизу, распорол живот и поднялось к груди. Мужчина дернулся так сильно, что с полки упала фотография. Рамка разбилась. По полу рассыпались осколки, среди которых осталась лежать фотография улыбающейся девочки лет десяти.

Стася смотрела на нее, пока тело наносило следующий удар. Лезвие прошло по горлу. Мужчина обмяк. Его голова откинулась, рот остался приоткрытым, а кровь толчками выплескивалась на белую рубашку.

Теперь сердце. Стася знала это еще до того, как рука двинулась. Знала точное место между ребрами и угол, под которым должно войти острие. Знала, что лезвие провернется внутри, отделяя сердце, а потом вытащит его наружу. Она уже делала это раньше. Много раз.

Воспоминания шевельнулись где-то совсем близко. Темные комнаты, подвалы, чужие лица. Люди просыпались, пытались говорить, бежать, защищаться. А потом всегда происходило одно и то же. Плечо. Живот. Горло. Сердце. И оставалась тишина, пахнущая кровью и миндалем.

«Я не хочу! Пожалуйста!»

Острие вошло в грудь. Раздался влажный треск. Тело мужчины содрогнулось в последний раз, а через секунду сердце упало на пол рядом с разбитой фотографией. Лезвие вышло из плеча, и труп сполз по стене. Кровь быстро растекалась под ним, добираясь до осколков рамки.

Стася ждала, что сейчас проснется. Кошмар закончился. Мужчина мертв, больше ничего не произойдет. Это сон, просто страшный сон!

Но тело не двигалось. Оно смотрело на сделанное с уверенностью, что приказ выполнен.

«Какой приказ? Чей?»

Лампочка на столе мигнула. Тень от кресла вытянулась по полу и коснулась ее ног. Чернота поползла вверх, забирая ее целиком. Комната исчезла. На мгновение не осталось вообще ничего — ни тела, ни звуков, ни света. Стася падала в пустоту и не могла даже закричать.

Она распахнула глаза и судорожно вдохнула. В комнате было темно. За окном качались ветви старого дерева. По стеклу медленно сползали капли дождя.

Стася лежала на полу возле кровати, уткнувшись щекой в скомканную простыню. Левая нога затекла, шея болела. Она несколько раз моргнула, не понимая, где находится, потом с трудом села и прислонилась спиной к кровати.

Сон не отпускал. Перед глазами стоял мужчина в окровавленной белой рубашке. Рядом с ним лежала фотография девочки, и кровь уже добралась до ее улыбающегося лица. Стася потерла ладонями виски. Пальцы дрожали.

— Сон... Просто сон, — произнесла она вслух.

В квартире было тихо. Настенные часы в кухне показывали начало четвертого. Она не помнила, когда уснула. Кажется, еще до полуночи сидела на том же месте и смотрела на руки. Потом закрыла глаза всего на секунду. Но прошло несколько часов.

Стася сглотнула. Во рту стоял металлический привкус. Предплечья ломило, словно она долго держала что-то тяжелое. Она осторожно провела по коже. Никаких ран, синяков или царапин. И все же это был не первый такой сон.

Осознание приходило медленно. Начали проступать отдельные куски: темные комнаты, чужие лица, чьи-то руки, поднятые в бесполезной попытке защититься. Кто-то плакал, кто-то пытался бежать. Стася не могла вспомнить, когда видела этих людей, но точно знала — раньше было то же самое. Всегда четыре удара. Всегда сердце. И каждый раз утром ничего не оставалось. Она все забывала.

Она поднялась, держась за край кровати. Ноги подгибались, в затылке тяжело пульсировало. Хотелось включить свет, но она боялась увидеть на стенах кровь, которой там, конечно, не было.

Это сон. Всего лишь сон. Она устала, давно нормально не спала, почти ничего не ела. В последние дни ей и наяву мерещились тени. Мозг способен придумать что угодно, если довести себя до такого состояния. Мужчина не существовал. Комната не существовала. Девочка на фотографии тоже.

Стася повторяла это, пока шла в ванную. Каждое слово звучало разумно, но внутри оставалось тяжелое знание. Она не придумала последовательность ударов, а вспомнила ее.

В ванной она закрыла дверь и включила свет. Лампа под потолком загорелась не сразу, несколько раз мигнула и залила маленькое помещение тусклой желтизной.

Она открыла кран, поставила ладони под холодную воду и долго терла их друг о друга. Потом намылила, смыла пену и снова намылила. Кожа покраснела, но запах миндаля никуда не исчез.

— Хватит! — выкрикнула Стася и перекрыла воду.

Она подняла голову. В зеркале отражалось ее бледное лицо. Волосы спутались, под глазами залегли темные круги. Ничего страшного. Просто девушка, которая несколько суток почти не спала и теперь довела себя до истерики из-за кошмара.

Стася наклонилась ближе. Зрачки были нормальными. Никаких теней, чужих лиц или провалов. Она медленно выдохнула и почти успокоилась.

А потом заметила мужчину, который стоял за ее спиной. Высокий, худой, с длинными темными волосами, стянутыми на затылке. На нем была потертая кожаная одежда с металлическими пластинами, а из-за плеча виднелась рукоять изогнутого клинка. Узкое лицо пересекали старые шрамы. Глаза казались серыми, почти бесцветными.

Стася не могла пошевелиться. Мужчина внимательно вглядывался в нее, точно пытался разглядеть под кожей кого-то другого. Сначала его лицо оставалось неподвижным, потом в серых глазах мелькнуло недоверие, сменившееся ужасом. Он подался вперед, губы шевельнулись.

— Сиверна...

Она резко обернулась. За спиной никого не было. Только закрытая дверь, полотенце на крючке и старая корзина с бельем. Стася снова посмотрела в зеркало, но мужчина исчез.

— Не-ет, — выдохнула она, пятась от раковины. — Этого нет. Это бред. Я еще сплю...

Правая рука вдруг онемела. Холод прошел от плеча к локтю и вонзился в пальцы. Они вытянулись и слиплись, кожа потемнела, ладонь заострилась. Через секунду вместо руки перед Стасей было длинное черное лезвие.

Она закричала и ударилась спиной о дверь. Лезвие дернулось вслед за движением, едва не задев зеркало. По темной поверхности пробежал тусклый багровый отблеск. Стася смотрела на него, не дыша. Потом моргнула... и снова увидела руку. Обычную, бледную, с обкусанными ногтями. На запястье бешено бился пульс.

Она вылетела из ванной. В комнате схватила с кресла кофту, но не смогла попасть рукой в рукав и бросила ее на пол. Телефон остался возле кровати. Сумка висела на спинке стула, ключи лежали внутри, но Стася о них и не вспомнила.

Она сунула ноги в кроссовки, даже не завязав шнурки, распахнула дверь и выбежала на лестничную площадку. Только внизу поняла, что квартира осталась незапертой, но возвращаться не стала.

На улице шел дождь. Холодные капли мгновенно промочили тонкую футболку, волосы прилипли к лицу. Стася остановилась возле подъезда и растерянно огляделась. Она не знала, куда идти, у кого просить помощи и что сказать.

Перед глазами снова возник мужчина в белой рубашке. Стася крепко прижала правую руку к груди и пошла прочь от дома, поскальзываясь на мокром асфальте. Она не выбирала дорогу и не пыталась спрятаться. Ей просто хотелось

оказаться как можно дальше от любого живого человека.

Глава 1

Лифт по-прежнему не работал. На железных дверях висела знакомая картонка, но один угол отклеился, а стрелка между этажами так и застыла на цифре два.

Добрыня остановился перед лестницей и посмотрел наверх. Подниматься всего два пролета. Ничего сложного, если не считать тянущей боли под правыми ребрами и слабости, которая появилась еще в такси. Он расстегнул пальто и хмыкнул:

— Два месяца прошло, а вы все держитесь.

Первый пролет дался легко. На втором пришлось замедлиться. Он крепче ухватился за перила и старался не дышать слишком глубоко. Рана в животе потихоньку заживала, но любое резкое движение напоминало об осколке, а после лестницы начинало казаться, что внутри снова что-то разошлось.

Он дошел до площадки и остановился у окна. Сердце колотилось, по спине под форменной рубашкой стекал пот. Следователь поправил галстук и провел рукой по волосам. Дождался, пока дыхание станет ровнее, и только тогда направился к своему кабинету.

Дверь была открыта. Хлыстов с Вихровым сидели за столами у окна и опять спорили о футболе. Андрей размахивал ручкой и что-то доказывал, Игорь слушал его с таким видом,

будто давно пожалел, что вообще начал этот разговор. Батьков находился на своем месте у дальней стены и читал какие-то бумаги.

Горский шагнул в кабинет. Хлыстов заметил его первым, замолчал на полуслове, уставившись, а потом расплылся в улыбке.

— Гляньте-ка, кто к нам пожаловал! Выживший собственной персоной!

Вихров вскинул голову и тоже заулыбался. Он даже поднялся из-за стола, хотя обычно его было трудно заставить встать без серьезной причины.

— А мы уже твою кружку поделить хотели. Андрюха на нее глаз положил, но я не отдал. Берег как зеницу око! Знал, что вернешься.

— Не дождетесь, — ехидно ответил Добрыня. — Придется дальше терпеть.

Он хотел усмехнуться, но шрам стянул щеку, и улыбка получилась кривой. Хлыстов обошел стол и двинулся навстречу, раскинув руки. Горский резко отступил. В боку прострелило так, что на секунду потемнело в глазах. Он ухватился за спинку стула и тут же отпустил ее.

— Руки убрал. Я по мужикам еще не соскучился.

— Больно надо, — фыркнул Андрей, но подходить не стал. Взгляд его задержался на шраме и сразу ушел в сторону. — Ты хоть предупредил бы. Мы бы встретили.

— С оркестром?

— Можно и с оркестром. Цветы бы купили.

— Венок, что ли?

Хлыстов перестал улыбаться. Вихров кашлянул и опустил глаза к бумагам. Добрыня снял пальто, расстегнул китель и сел за свой стол. Сделал это осторожнее, чем собирался, придерживаясь ладонью за край. Живот свело, пришлось замереть и подождать, пока отпустит.

На столе все осталось почти как раньше. Та же кружка, несколько старых папок и ручка без колпачка возле клавиатуры. Монитор покрылся пылью, но его место никто не занял, конечно. Он включил компьютер и только тогда посмотрел на Батькова. Тот уже стоял.

— Ты чего здесь делаешь?

Добрыня нахмурился. Хоть бы поздоровался сначала. Или сказал, что рад видеть. Вместо этого смотрит так, будто Горского поймали за пьянкой в дежурной части.

— Работаю. Не видно?

— Вижу. Поэтому еще раз спрашиваю: какого черта ты здесь делаешь?

— Пришел. Ногами. Лифт у нас, если ты не заметил, все еще сдохший.

Станислав положил бумаги на стол и подошел ближе.

— Кто тебя выписал?

— Врач.

— Из больницы — может быть. На работу кто разрешил выйти?

— Я сам себе разрешил.

Батьков несколько секунд смотрел на него, надеявшись, что тот сейчас рассмеется и признается в шутке.

— У тебя больничный еще на месяц минимум!

— А ты, я смотрю, в курсе моей личной жизни.

— Я в курсе, что тебе печень зацепило. И что крови ты потерял столько, что тебя несколько часов штопали.

— Не несколько часов.

— Я у операционной сидел, Горский!

Два капитана окончательно затихли. Добрыня отвернулся к монитору. Компьютер загружался медленно, натужно гудел и почему-то раздражал.

— Ну, посидел, — бросил он. — Спасибо. Можешь медаль себе выписать.

Батьков шагнул к нему.

— Ты совсем идиот? У тебя еще ничего толком не зажило. Если кровотечение откроется, ты до больницы можешь не доехать.

— Не откроется.

— Да ты откуда знаешь, мать твою?

— Чувствую.

— Ты в прошлый раз тоже прекрасно все чувствовал. Второго осколка даже не заметил.

Лейтенант резко повернулся. Бок снова отозвался болью, но останавливаться он уже не собирался.

— А надо было заметить? Извини, Стас Михалыч. Там

немного некогда было. В следующий раз обязательно сначала пересчитаю, сколько во мне дырок, потом уже падать буду.

— Следующего раза с такими мозгами может не быть.

— Переживешь.

Станислав замолчал. Вихров тихо выругался, а Хлыстов отложил папку, которую до этого перекидывал по столу.

— Добрынь, он же не со зла, — осторожно произнес Андрей. — Может, тебе и правда рановато?

Тот перевел взгляд на него.

— Тебя забыл спросить.

— Да я просто...

— Вот и не лезь.

Хлыстов нахмурился, но спорить не стал. Добрыня повернулся к компьютеру. На экране появилось окно для ввода пароля. Он положил пальцы на клавиатуру и вдруг не смог вспомнить последние две цифры. Попробовал один вариант. Система пискнула и потребовала ввести пароль заново. Он сжал пальцы в кулак, потом разжал и набрал еще раз. Снова неправильно.

— Домой езжай, — сказал Батьков. — Отлежись нормально. Здесь без тебя справимся.

Горский убрал руки с клавиатуры.

— Вот оно что.

— Что?

— Ничего.

— Горский, я сказал...

— А я тебя услышал. Ты мне не начальник.

— Не начальник, — согласился Станислав. — Но я видел, как тебя в машину грузили. И как ты у врачей отключился, тоже видел. Поэтому не рассказывай мне, что с тобой все нормально.

— А я и не рассказываю. Я работать пришел.

— Ты до третьего этажа еле поднялся.

Добрыня вскинул голову.

— Следил за мной, что ли?

— У тебя рубашка на спине мокрая.

Он замер. Хлыстов отвел взгляд, Вихров вдруг заинтересовался лежащими перед ним бумагами. Все заметили. И как он сел, и как схватился за стул. На шрам тоже смотрели, только старались делать это незаметно.

— Понятно, — проговорил Горский. — То есть выжившего увидели, отметились — и можно обратно выставять?

— Да никто тебя не выставляет! — возмутился Хлыстов. — Мы рады, что ты пришел.

— Да вижу, как рады. Прямо очередь образовалась из провожающих.

— Не передергивай, — отрезал Стас.

— А ты не командуй! Старший опер — не моя мамочка. Я сам решу, когда мне выходить.

— Ты сейчас ничего нормально решить не можешь. У тебя от боли вон рожа белая.

Слова повисли в воздухе. Батьков понял, что сказал, и по-

морщился. Добрыня медленно поднялся из-за стола.

— Что у меня с рожей, Стас Михалыч?

— Я не про шрам.

— А про что?

— Хватит, Горский.

— Нет, ты договори. Вы же все только на нее и смотрите.

— На кого?

Голос Волковой прозвучал от двери. Никто не заметил, когда она появилась. Варвара Николаевна стояла на пороге в строгом черном костюме, с кружкой в одной руке и незажженной сигаретой в другой. Она посмотрела на Хлыстова с Вихровым, на Батькова и остановилась на Добрыне.

— Это что еще такое?

Тот выпрямился. Живот сразу стянуло, но он привычно улыбнулся, будто ничего не произошло.

— Варвара Николаевна, а вы все хорошеете. Вот ради вас и поднялся.

Волкова прищурилась.

— Закрой рот, Горский. Кто разрешил выйти на работу?

— Конституция Российской Федерации.

— Фамилию врача назови. Я сейчас сама ему позвоню.

Добрыня промолчал. Варвара Николаевна вошла в кабинет, поставила кружку на край стола Хлыстова и протянула руку.

— Больничный покажи.

— С собой нет.

— Когда на работу выписан?

— Скоро.

— Когда?

Он посмотрел в окно. На подоконнике стоял высохший кактус.

— Через две недели на комиссию, — нехотя ответил он.

Хлыстов тихо присвистнул. Волкова повернула голову в его сторону, и тот сразу уткнулся в папку.

— Значит, слушай сюда, лейтенант. Сейчас ты идешь домой и выполняешь все, что тебе прописал врач. В отделе появишься после того, как закроют больничный.

— Я нормально себя чувствую.

— Вижу.

— Я могу работать.

— Не можешь.

— А кто тогда будет?

— Люди, которые способны дойти до стола, не изображая подвиг.

Добрыня зло посмотрел на нее и шагнул вперед. Под ребрами словно провернули нож. Дыхание перехватило, ноги ослабли, и пришлось схватиться за край стола. Всего на секунду, но этой секунды хватило всем.

— Вот именно, — произнесла Воевода. — Батьков, отве-
зешь его домой.

Горский выпрямился и медленно убрал руку от бока.

— Я сам доберусь.

— Ты уже один раз сам добрался. Результат перед нами.
Поднялся и пошел.

— Не надо со мной как с ребенком.

— Тогда перестань вести себя как ребенок.

— Наручниками к батарее еще пристегните, — проворчал он.

— Если понадобится — пристегнем и наручниками к койке.

— Варвара Николаевна...

— Горский! Домой!

От ее голоса задребезжало стекло в старом шкафу. Два капитана разом опустили головы. Батьков молча взял со стола ключи от машины. Добрыня постоял, глядя на Волкову. Она смотрела в ответ спокойно. Жалости в ее глазах не было, но это ничего не меняло. Он ненавидел сейчас ее приказ, собственное тело и всех, кто видел, как его скрутило от одного шага.

Он застегнул китель, надел пальто и направился к двери.

— Добрынь, — позвал Хлыстов.

Горский остановился, не оборачиваясь.

— Мы правда рады, что ты вернулся.

— Я заметил.

Он вышел в коридор. Батьков догнал его возле лестницы и машинально нажал кнопку лифта.

— Издеваешься? — спросил Горский.

— Проверяю. Вдруг починили.

— За полчаса?

— Чудеса случаются.

— Одно уже случилось. Я выжил.

Он начал спускаться. Вниз идти оказалось еще хуже. При каждом шаге тянуло шов, боль отдавала под ребра и в спину. Батьков держался рядом, не обгонял и не лез с помощью. Хотя бы на это у него хватало ума. На втором пролете Добрыня остановился, отвернулся к окну и несколько раз медленно вдохнул.

— Только попробуй что-нибудь сказать, — предупредил он.

— Даже не собирался.

— По лицу вижу.

— А ты на него не смотри.

Он резко повернулся. Станислав уже спускался дальше.

На улице было сыро. С парковки тянуло бензином и мокрым асфальтом. Горский дошел до машины, открыл пассажирскую дверь и осторожно сел. Согнуться получилось не сразу, но Батьков снова промолчал. Он устроился за рулем, завел двигатель и включил печку.

— Куда? — спросил Станислав.

— В кабак. Буду праздновать освобождение.

— Адрес говори.

Добрыня назвал улицу и отвернулся к окну. Машина тронулась. На первом повороте его качнуло, боль снова прошла под ребрами, и он прижал ладонь к боку. Стас ничего не ска-

зал, только сбавил скорость.

Телефон зазвонил, когда они отъехали от отдела всего на несколько кварталов. Батьков взглянул на экран, сбавил скорость и прижался к обочине. Добрыня покосился на него, но спрашивать ничего не стал.

— Батьков. Слушаю, — он нахмурился и потянулся к лежащему в бардачке блокноту. — Адрес? Проспект Строителей, тридцать шесть, квартира семьдесят один. Когда нашли? Понял. Выезжаю.

Он записал адрес, убрал телефон и включил поворотник. Горский уже смотрел на него, ожидая объяснений.

— Что там? По голосу слышу, не кошку с дерева снимать вызвали.

— Мужика покровсали. В квартире.

— Ну и отлично. Поехали.

Батьков вырулил обратно на дорогу.

— Сначала отвезу тебя домой.

— Я просил в кабак.

— Переживешь.

— Стас Михалыч, ты меня вообще слышишь? Я сказал: в кабак. Там люди, музыка, выпивка, бабы. Дома ничего такого нет. Мне вообще-то отдых положен.

— Вот и отдохнешь.

Добрыня усмехнулся и отвернулся к окну. Шрам неприятно стянул щеку. Он провел пальцем по воротнику кителя,

поправил галстук и снова взглянул на Батькова.

— Ладно, уговорил. Сначала съездим на место, потом можешь отвезти меня в кабак.

— Нет.

— Да почему?

— Потому что ты едешь домой.

— А труп подождет?

— Тебя — точно подождет.

Горский помолчал. Машина свернула на знакомую улицу, и он сразу понял, куда его везут.

— Разворачивайся.

Батьков не отреагировал. Он смотрел на дорогу и вел машину чуть медленнее обычного, объезжая ямы и слишком плавно входя в повороты.

— Я сказал, разворачивайся, — повторил Добрыня. — Я еду с тобой.

— Не едешь.

— С какой радости?

— С такой, что тебя Волкова двадцать минут назад домой отправила.

— Она сказала домой идти, я и пошел. Про место преступления разговора не было.

— Не цепляйся к словам.

— А я не цепляюсь. Я следовательно вообще-то.

Стас бросил на него короткий взгляд.

— Ты на больничном вообще-то.

— Это мне думать не мешает.

— Тебе даже сидеть больно.

— Уже прошло.

— Врать ты всегда умел хреново.

Горский отнял ладонь от бока. Он и сам не заметил, когда прижал ее к кителю.

— Мне намного лучше.

— Вижу.

— Да что ты видишь? Я сам дошел до отдела, поднялся на третий этаж. Ничего у меня не открылось, не отвалилось и не вытекло.

— Пока.

— Батя...

— Нет.

Добрыня откинулся на спинку и сжал челюсть. Еще полчаса назад он собирался просто зайти в отдел, посидеть за своим столом, узнать, что накопили без него, и доказать всем, что уже может работать. А теперь нашелся новый труп. Настоящее дело, а не папки и отчеты. Он должен был ехать туда вместе с Батьковым.

— Я не выйду из машины, — сообщил он. — Можешь хоть до вечера под подъездом стоять.

— Выйдешь.

— Не дождешься.

— Посмотрим.

Он повернул голову и долго смотрел на Стаса. Тот даже

не улыбнулся.

— Ты всегда был занудой, — проговорил Горский. — Но после моего ранения совсем распоясался.

— Я тоже рад, что ты выжил.

Ответ прозвучал спокойно, он не нашелся, что сказать, и снова отвернулся к окну. За стеклом тянулись мокрые дома, остановки и редкие прохожие под зонтами. Дворники ходили по стеклу медленно, с противным резиновым скрипом.

Через несколько минут Батьков свернул во двор. Горский узнал детскую площадку с облезлой горкой и мусорные баки у трансформаторной будки. Гранта остановилась возле подъезда. Stanislaw заглушил двигатель и отстегнул ремень.

— Приехали.

Добрыня посмотрел на дом, потом на него.

— Ты адрес перепутал. Здесь наливают только соседу с пятого, и то после десяти.

— Вылезай.

— Поехали на место. Потом вернемся.

— Нет.

— Твою мать! Да сколько можно? Я нормально себя чувствую!

— Горский, ты до машины еле дошел.

— Дошел же.

— И теперь пойдешь домой.

Он шумно выдохнул и взялся за ручку двери, но открывать не стал.

— Там мокруха. Ты сам сказал.

— Сказал.

— Значит, нужен следователь.

— Нужен.

— Тогда чего мы сидим?

Батьков взглянул на него и немного помедлил.

— Ковалев уже едет.

Добрыня не сразу понял.

— Кто?

— Пашка Ковалев. Следователь. Забыл его что ли?

Несколько секунд в салоне слышно было только, как остывает двигатель. Где-то под капотом сухо щелкнул металл.

— Бы-быстро вы, — произнес Горский.

— Что быстро?

— Ничего.

— Ковалева отправили на этот выезд, потому что ты на больничном.

— Да я понял.

— По тебе не скажешь.

Лейтенант усмехнулся, но улыбка тут же исчезла.

— А что по мне должно быть? Радоваться надо. Незаменимых у нас нет!

— Не начинай, а?

— Я и не начинал. Вы без меня уже все решили.

— Кто — вы?

— Все.

Батьков нахмурился.

— Ковалев едет на новый труп. Никто твоих дел ему не отдавал.

— Ну, коне-ечно. Он просто случайно оказался следователем, которого отправляют вместо меня.

— Не вместо тебя. Ты сейчас не можешь работать.

Добрыня опустил глаза. На рукаве пальто прилипла светлая нитка. Он снял ее, покрутил между пальцами и бросил на коврик.

— Могу. Просто вам так удобнее.

— Да кому нам?

— Забудь.

— Добрыня...

— Да что Добрыня? — Он резко повернулся к Батькову.

— Отвез домой — молодец. Приказ выполнил. Теперь езжай. Тебя следователь ждет.

Он дернул ручку и выбрался из машины. Пришлось двигаться медленно, потому что в животе сразу потянуло, но он не позволил себе остановиться. Захлопнул дверь и направился к подъезду.

Стас опустил стекло.

— Горский!

Тот обернулся.

— Что?

— Ковалев только на этом выезде.

— Я услышал.

— Тогда не вежи себя как обиженная девица.

— А я не обиделся, Стас Михалыч. Мне вообще плевать.

Он отвернулся и пошел дальше. Батьков остался стоять у подъезда.

Добрыня набрал код, толкнул тяжелую дверь и вошел. В животе снова заныло, теперь уже сильнее. Он остановился возле почтовых ящиков и прислонился плечом к стене, пережидая боль. Потом с трудом поднялся по лестнице к пролету и остановился у окна. Сквозь мутное стекло была видна серая Гранта. Стас ждал, пока тот поднимется домой. Наверное, боялся, что он выйдет, поймает такси и все равно отправится на проспект Строителей.

— Нянька хренова, — пробормотал Добрыня.

Он поднялся на второй этаж, нажал кнопку лифта и уставился на закрытые двери. Больше всего хотелось вернуться на улицу, вытащить Батькова из машины и заставить взять его с собой. Или самому поехать следом. Адрес он слышал.

Лифт приехал с глухим скрежетом. Он шагнул внутрь, нажал свой этаж и только потом понял, что все еще сжимает в руке фуражку так, что побелели пальцы.

Ковалев уже ехал на место. Другой следователь будет ходить по квартире, смотреть тело, задавать вопросы и собирать улики. А он поедет наверх и снова останется один в четырех стенах.

Двери закрылись. Добрыня поднял голову и увидел себя в мутном зеркале: бледное лицо и красный шрам, перечерк-

нувший его от подбородка до лба.

Он сразу отвернулся.

Дождь не прекращался. Серая Гранта свернула на проспект Строителей и остановилась возле панельной девятиэтажки. У подъезда стояли патрульная машина и белый фургон ЭКЦ. Под козырьком курили двое мужчин, рядом топталась старуха в теплом клетчатом халате, наброшенном поверх ночной рубашки. Она что-то быстро говорила молодому сержанту и то и дело показывала на окна последнего этажа.

Батьков заглушил двигатель и несколько секунд смотрел на подъезд. В голове все еще стояло лицо Добрыни, когда тот слышал про Ковалева. Надо было сказать иначе. Или вообще промолчать. Но теперь уже поздно.

Он вышел из машины, поднял воротник куртки и направился к дому. Старуха у двери тут же замолчала и проследила за ним любопытным взглядом. Сержант шагнул навстречу.

— Майор Батьков?

— Он самый.

— Квартира семьдесят один, девятый этаж. Старший лейтенант Ковалев уже там.

Станислав вошел в подъезд. Пахло мокрой одеждой, кошками и недавно вымытым полом. Лифт приехал быстро, но двери открылись не сразу, несколько раз дернулись и только

потом разошлись с железным скрежетом.

На девятом этаже горели обе лампы. Возле распахнутой двери валялись щепки и куски дверной коробки. Краска вокруг замка облупилась, на полу остались грязные следы тяжелых ботинок.

Следователь Ковалев стоял в прихожей и разговаривал с патрульным. За последний год они пересекались пару раз на совещаниях, но близко знакомы не были. Ковалеву было около тридцати пяти. Среднего роста, крепкий, широкоплечий. Коротко стриженные русые волосы, квадратное лицо и приплюснутый нос, который ему когда-то явно сломали. Светло-карие глаза смотрели внимательно и немного устало. В одной руке он держал планшет.

— Здорово, Стас Михалыч, — поздоровался Ковалев. — Проходи. Только осторожно, у нас тут натоптали еще до криминалистов.

— Что имеем?

Павел заглянул в записи.

— Лапин Сергей Павлович, сорок семь лет. Хозяин квартиры. Жил один. Работал в городском управлении архитектуры, главным специалистом отдела технического надзора. Документы нашли в столе, соседка личность подтвердила.

— Она и обнаружила?

— Услышала крик около трех ночи. Потом грохот и стекло разбилось. Позвонила ему, телефон долго трезвонил, но трубку никто не взял. Постучала — тишина. Тогда вызвала

полицию.

Ковалев кивнул на разбитый замок.

— Дверь была заперта изнутри. Патрульные вскрыли.

— Цепочка?

— Да нет. Обычный замок с вертушкой. Ключей в скважине не было. Окна закрыты, балкона в комнате нет. Девятый этаж. Пока не понимаю, как убийца вышел.

— Может, соседка со временем ошиблась?

— Может. Говорит, на часы посмотрела сразу, потому что обычно в три просыпается таблетки пить. Но проверить надо.

Из глубины квартиры донесся негромкий женский голос. Морозова что-то сказала одному из патрульных, потом звякнул металл. Батьков шагнул дальше и остановился. Запах крови чувствовался даже в прихожей. Густой, тяжелый, с металлическим привкусом. Но сквозь него пробивался другой, сладковатый и горький одновременно. Миндаль.

— Чувствуешь? — спросил Батьков.

Ковалев принялся.

— Кроме крови уже ничего. А что?

— Ничего. Где тело?

— В комнате. Только ничего там не трогай. Морозова и так чуть меня не выгнала после осмотра.

— За что?

— К окну неудачно подошел.

Станислав усмехнулся.

— Тогда легко отделался.

Ковалев тихо выругался и вернулся к патрульному. Майор прошел по короткому коридору. Справа находилась маленькая кухня с оставленной на столе тарелкой. Слева — спальня. Кровать была аккуратно застелена, на тумбочке лежали таблетки и книга в мягкой обложке.

Видимо, большая комната служила Лапину одновременно гостиной и кабинетом. Возле окна стояло высокое кресло. На подоконнике осталась чашка с темным налетом чая. Ноутбук лежал на полу экраном вниз, рядом валялась беспроводная мышь. Настольная лампа горела, освещая бумаги на столе. У стены возле двери лежал хозяин квартиры.

Сергей Лапин оказался полным мужчиной с редкими волосами, прилипшими ко лбу. Белая рубашка была расстегнута у горла и почти полностью пропиталась кровью. Тело сползло по стене, завалилось на бок, одна нога подвернулась под другую.

В правом плече зияла глубокая рана. Чуть выше в обоях осталось отверстие, вокруг которого штукатурка разошлась трещинами. Живот был распорот снизу вверх до самой груди. Горло рассечено, голова неестественно откинулась назад. В центре грудной клетки темнела еще одна рана.

Рядом блеснули осколки разбитой рамки. Между ними осталась фотография улыбающейся девочки лет десяти. Светлые волосы собраны в два хвоста, переднего зуба не хватает. Кровь добралась до снимка и залила половину лица.

Возле фотографии лежало сердце.

Морозова сидела на корточках возле тела. Белый защитный костюм резко выделялся на фоне темной крови. Волосы были полностью убраны под капюшон, на лице маска, на руках две пары перчаток. Она подняла голову и посмотрела на Батькова. Потом взгляд скользнул ему за плечо, в пустой коридор.

— Доброе утро, Наталья Альбертовна, — поздоровался он.

— Станислав Михайлович, — кивнула она. — Вы быстро.

— Горский дома.

Ее пальцы на секунду замерли над раной.

— Я не спрашивала.

— Конечно. Простите.

Наталья ничего не ответила и снова склонилась над телом. Станислав отошел к столу, стараясь не наступить на расставленные возле следов номера.

— Что скажете?

— Пока немного. Мужчина убит здесь. Следов перемещения тела нет. Первый удар пришелся в правое плечо. Повреждена кость, оружие прошло насквозь и вошло в стену.

Она указала на отверстие в обоях.

— Сила удара очень большая. Обычным ножом такое сделать трудно.

— Топор?

— Нет. Края раны ровные и узкие. Лезвие было длинным,

тонким и очень острым.

Морозова переместилась ниже. Лампа осветила распоротую рубашку и багровый разрез на животе.

— Второй удар нанесен снизу вверх. Орудие вошло с правой стороны и прошло по диагонали. Потом рассечено горло.

— А сердце?

— Последний удар. Грудная клетка вскрыта одним движением. Сердце извлечено без дополнительных разрезов.

Ковалев появился в дверях, остановился за границей обозначенной зоны и сунул руки в карманы.

— Это вообще человек мог сделать?

Наталья подняла на него глаза.

— Я осматриваю тело меньше двадцати минут. Ответ будет у вас после вскрытия и исследований.

— Хотя бы примерно.

— Примерно — мог. Вопрос в орудии и силе, с которой наносили удары.

Павел посмотрел на стену.

— Убийца сначала пригвоздил его, а потом уже остальное?

— Похоже на то.

— Следов борьбы почти нет, — сказал следователь. — Только ноутбук на полу, телефон под креслом и рамка разбита. Может, Лапин спал, когда тот вошел?

— Возможно.

— И дверь была заперта, — добавил Батьков.

Ковалев раздраженно потер переносицу.

— Патрульные сами ломали. Соседка видела. Другого выхода нет, по вентиляции человек не пролезет. Окно закрыто изнутри, подоконник в пыли. На лестничной площадке есть камера, но она уже неделю не работает. Как обычно.

— А с замком что? — спросил Станислав.

— Снимем после осмотра и отправим экспертам. Может, найдут следы отмычки или еще что-нибудь.

— Через дверь он войти мог. А как вышел-то?

— Вот это я и пытаюсь понять.

Следователь кивнул на бумаги, лежащие возле настольной лампы.

— Работал допоздна, судя по всему. Бумаг вон сколько. Похоже, сразу по нескольким объектам.

Станислав подошел ближе. На столе лежали распечатки старых планов, таблицы, копии технических заключений. На верхнем листе виднелись толстые стены какого-то здания и лестница, уходящая в прямоугольное помещение без подписи. В правом углу стояли буквы «КН-3».

— А это что?

— Не знаю пока. Изымем вместе с ноутбуком. Экран разбит, включать здесь не стали.

— Может, там найдется адрес.

— Посмотрим. В верхнем ящике деньги лежат. Чуть больше ста тысяч. Кошелек тоже на месте, карточки не тронуты. На ограбление не похоже.

Батьков посмотрел на тело.

— Враги?

— Соседка говорит, тихий был. Не пил, компаний не водил. Разведен. Дочь с бывшей женой живет.

Он кивнул на фотографию.

— Это она?

— Видимо, да. Соседка сказала, что той вроде лет двенадцать. Часто видела, как Лапин ее по выходным забирал.

— Жене бывшей сообщили?

— Еще нет. Сейчас свяжемся.

Ковалев снова взглянул на тело.

— Ладно. Я соседку закончу опрашивать. Потом на работу к нему поеду. Там, может, расскажут, чем он в последнее время занимался.

Он вышел. В коридоре зазвучал его голос:

— Анна Степановна, давайте еще раз. Вы сначала слышали крик или удар?

Морозова продолжила осмотр и фотографировала раны, меняя положение лампы. Батьков стоял возле стола и снова чувствовал горький миндаль. Запах здесь был слабее, чем в подвале, но ошибиться он не мог.

Взгляд вернулся к отверстию в стене. Тонкое и глубокое. Потом к распоротому животу, горлу и сердцу. В памяти всплыл подвал на Заводской. Черная плесень на стенах, старая раскладушка, разбросанные бумаги. Участковый, рассказывающий про вспоротое брюхо и колотые раны. Совпа-

дение выглядело слишком точным.

Наталья собрала оборудование в чемоданчик. Сначала она сняла общий план, затем отдельно сфотографировала сердце и разбитую рамку. Измерила расстояние до тела, записала цифры в планшет и только после этого поднялась. Еще раз посмотрела на рану в плече и обратилась к Батькову.

— Станислав Михайлович, можно вас?

Она отошла к столу. Станислав приблизился, оставив между ними полшага.

— Что?

Наталья бросила взгляд в коридор. Ковалев продолжал разговаривать с соседкой, патрульный что-то записывал рядом.

— Похоже, что его убили так же, как того бомжа, — произнесла она очень тихо.

Батьков нахмурился.

— Жука?

— Да. Правое плечо пробито насквозь. Второй удар снизу вверх, по диагонали через живот. Потом горло и грудь. Та же последовательность. По внешним признакам даже направления ран совпадают.

— Я так и подумал. Миндаль.

— Я почувствовала сразу, — кивнула Морозова. — Запах тот же. Только у того сердце было на месте.

Станислав посмотрел на сердце возле разбитой фотографии.

— А у Лапина вырезали.

— Да. Но это пока только предварительный осмотр. Точно смогу сказать после вскрытия и сравнения материалов.

Он снова перевел взгляд на тело, пробитую стену и залитое кровью лицо девочки на снимке.

— Ч-черт!

Глава 2

На следующее утро место Горского снова пустовало. Кружка стояла возле монитора, а на столе осталась царапина от папки, которую Добрыня вчера швырнул слишком резко. Два капитана уже были в отделе, непривычно рано. Андрей сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел в телефон. Несколько раз открыл один и тот же чат, что-то напечатал, стер и наконец бросил смартфон на стол.

— Может, позвонить ему?

Игорь не оторвался от бумаг.

— Ты вчера уже писал.

— Так он не ответил.

— А что ты написал?

Хлыстов помедлил.

— «Не сдохни там от скуки».

Вихров медленно поднял на него глаза.

— Очень душевно, Андрюха. Сразу чувствуется мужская поддержка.

— А что я должен был написать? — возмутился тот. — «Дорогой Добрыня, мы скорбим из-за твоего отсутствия»? Он бы решил, что я совсем рехнулся.

— А сейчас он, конечно, ничего такого не решил.

— Иди ты.

Батьков молча сел за свой стол и включил компьютер. За

ночь система опять установила какие-то обновления и теперь долго показывала синий экран с надписью: «Пожалуйста, не выключайте устройство». Он посмотрел на часы, потом снова на пустое место Горского.

Вчера, вернувшись с проспекта Строителей, он рассказал, что произошло возле дома Добрыни. Не все. Только про Ковалева и то, как Горский вдруг замолчал, отстегнул ремень и вышел из машины. Хлыстов после этого долго ходил мрачнее тучи. Видимо, вспомнил и «выжившего», и венки, и собственное предложение отправить раненого домой.

— Я не знал, что он так все воспримет, — произнес Андрей. — Мы же рады были, что вернулся.

— Очень удачно показали, — заметил Вихров.

— Ты тоже рот открыл.

— Я вообще молчал.

— Вот именно. Стоял и смотрел, как будто он уже одной ногой в морге.

— А надо было в обморок грохнуться от счастья?

Хлыстов взял телефон, снова открыл переписку и нахмурился.

— Вечером заехать надо. Возьмем жратвы какой, посидим. О, он пиццу с пепперони любит! А то еще решит, что его правда выперли и забыли.

— Только бухло не брать, — сказал Вихров. — У него печень зашита.

— Я не debil.

— Ты написал раненому человеку «не сдохни». Есть сомнения.

— Да пошел ты!

Батьков не выдержал:

— Хватит, пацаны!

Оба капитана посмотрели на него.

— А что ему еще написать? — спросил Андрей. — Ты же его видел. Он реально решил, что здесь никому не нужен.

— Он сейчас все так воспринимает.

— И что делать?

Станислав откинулся на спинку кресла. Компьютер все еще просил не выключать его и обещал закончить обновление через несколько минут.

— Не жалеть. Не спрашивать каждые пять минут, как бок и не разошлись ли швы. Ведите себя как обычно.

— Значит, все-таки заехать? — уточнил Хлыстов.

— Заедьте.

— И бесить его?

— Это у вас лучше всего получается.

Вихров кивнул.

— Значит, заедем и будем бесить.

— Только не сегодня, — сказал Стас. — Пусть пока остынет.

— А если не остынет?

— Тогда будет беситься уже на вас, а не на всех сразу.

Андрей повеселел, снова взял телефон и убрал в карман.

Станислав открыл лежащую перед ним папку. Вчера вечером он забрал материалы по Жуку и до поздней ночи заново просматривал протоколы, фотографии и заключения.

На верхнем снимке была темная стена подвала. Возле нее виднелось большое пятно засохшей крови. Тело Жука к тому времени уже увезли, но очертания оставались понятными. Справа лежала дешевая пластиковая ромашка.

— Ладно, заканчивайте с сердечными делами, — произнес Батьков. — Работать надо.

Капитаны сразу стали серьезными. Хлыстов подался вперед и посмотрел на фотографию.

— Жук?

— Он самый.

— Из-за вчерашнего мужика? — спросил Вихров.

— Да. Морозова пока осторожничает, но совпадений слишком много. Только у Лапина еще сердце вырезали.

Хлыстов поморщился.

— А у бомжа-то на месте было.

— Было. Но рана в груди почти такая же. И в квартире пахло горьким миндалем.

Вихров сложил руки на столе.

— Думаешь, одна тварь?

— Пока не знаю. Может, одна. Может, кто-то научился повторять. Морозова сравнивает материалы.

— Серия намечается, — негромко произнес Андрей.

Батьков посмотрел на него.

— Судя по всему, она уже началась. Просто мы не все тела еще нашли.

В кабинете стало тихо. Вихров взял со стола фотографию подвала, приблизил к глазам и несколько секунд рассматривал темные пятна на стене.

— Что делать?

— Хрен знает. Но надо как учили. Поднимаем Жука с самого начала. Андрюха, берешь место преступления. Районные, Карелин, запись с камеры, первоначальный осмотр. Выясни, кто входил в подвал после убийства и до нашего приезда. Подними всех, кто там ночевал или ошивался рядом.

Хлыстов кивнул и потянул к себе блокнот.

— Поливанов осматривал первым.

— Поливанов у праотцов уже. Значит, говори со всеми, кто работал рядом с ним. Может, кому-то успел что-нибудь сказать до того, как повесился.

— Понял.

Стас повернулся к Вихрову.

— Игорь, на тебе сам Жук. Отпечатки и ДНК снова прогони по базам. Подними пропавших не только по области, но и по соседним регионам. Одежду проверь, стоматологию, старые травмы, все, что могло вывести на личность.

— За месяц в базах вряд ли что-то появилось.

— Значит, ищи не только в базах. Жук не был бомжом. Кашемировый свитер, нормальные зубы. Он явно от кого-то прятался и понимал, что его найдут.

Вихров вернул фотографию на стол.

— Тогда почему никто не заявил о пропаже?

— Вот это и надо выяснить.

Хлыстов записал последние слова и постучал ручкой по блокноту.

— А дело Лапина?

— Его ведет Ковалев. Мы туда без необходимости не лезем, чтобы не светиться. Если появится что-то общее, свяжем через материалы.

— Пашка знает про Жука?

— Пока нет.

— Слушай, это же ненадолго. Он и про бомжа скоро узнает, и... и про остальное.

Батьков посмотрел на него.

— Вот именно. Надо быстрее докопаться.

Капитаны переглянулись. Хлыстов закрыл блокнот и убрал его во внутренний карман.

— Понятно. Работаем тихо.

— Очень тихо, — подтвердил Станислав. — До тех пор, пока не поймем, что именно ищем.

На столе зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Батьков.

— Ко мне, — холодно произнесла Волкова. На заднем плане что-то негромко звякнуло, и он уловил знакомый женский голос. — Быстро.

Связь оборвалась. Батьков положил трубку и поднялся.

— Не разбегайтесь. Скоро вернусь.

— Что там? — спросил Хлыстов.

Станислав уже направлялся к двери.

— Судя по голосу, ничего хорошего.

— Значит, уже нарыли что-то, — проговорил Хлыстов.

— Похоже на то. Вы пока начинайте. И без самодеятельности.

— Батя, когда это мы... — возмутился Андрей, но Батьков уже вышел из кабинета.

В коридоре было шумно. Возле лестницы двое патрульных о чем-то спорили, из соседнего кабинета доносился стук клавиатуры, кто-то несколько раз подряд хлопнул дверью. Станислав дошел до приемной и постучал.

— Заходи, — раздался хриплый голос Волковой.

Возле окна сидела Морозова. На коленях лежала тонкая папка, рядом на стуле стоял черный чемоданчик. Волосы Наталья собрала в тугий хвост, белая рубашка была застегнута до самого горла. Она выглядела так, будто вообще не уходила с работы. Только под глазами залегли тени, а пальцы слишком крепко сжимали край папки.

Волкова находилась за столом. Перед ней стояла переполненная пепельница, рядом остывал крепкий чай в любимой кружке с котом. Варвара Николаевна курила, глядя на разложенные фотографии. На одной был Лапин возле стены, на другой — рана в плече крупным планом. Сердце, лежавшее рядом с телом, на столе тоже имелось, но снимок она ото-

двинула в сторону.

— Садись, — распорядилась она.

Батьков придвинул второй стул и сел рядом с Морозовой. Наталья Альбертовна коротко кивнула ему.

— Доброе утро.

— Доброе, Наталья Альбертовна.

Он посмотрел на фотографии. Возле руки Лапина виднелись осколки рамки и залитое кровью лицо девочки. Станислав отвел взгляд.

— Нашли что-нибудь?

Морозова открыла папку.

— Логинов закончил вскрытие. Предварительные результаты Ковалеву уже отправил. Только те, которые ему пока можно знать.

Воевода затянулась и стряхнула пепел. Батьков промолчал. После всего, что произошло месяц назад, он уже понимал: у Варвары Николаевны есть люди, которым она доверяет, и они знают больше, чем написано в официальных заключениях. Неудивительно, что Логинов относился к ним, слишком давно они работали вместе.

Наталья вынула два листа и положила их рядом. На первом были схематично отмечены повреждения Лапина, на втором — Жука.

— Причина смерти Лапина — массивная кровопотеря. Логинов считает, что первым его ударили в правое плечо. Орудие прошло через мягкие ткани, раздробило кость и во-

шло в стену почти на восемь сантиметров. Судя по повреждениям, Лапин в этот момент стоял.

— Ну то, что его пригвоздили к стене и так понятно было, — сказал Стас.

— Фактически да. После этого нанесен удар в живот. Снизу вверх, с правой стороны по диагонали. Повреждены внутренние органы. Затем рассечено горло и вскрыта грудная клетка.

Волкова придавила сигарету в пепельнице.

— Жук?

Морозова придвинула второй лист.

— Последовательность та же. Правое плечо, живот, горло, сердце. Направления раневых каналов тоже совпадают. Я подняла фотографии и результаты исследований по Жуку. Форма повреждений практически одинаковая.

— Практически? — переспросила Воевода.

— Мне нужны дополнительные исследования. Пока могу сказать, что использовалось одно орудие или два совершенно идентичных. Очень длинное и тонкое лезвие. Края ровные, но рисунок от следов зазубрин такой же.

— В стену оно вошло так, как будто там не бетон, а масло, — напомнил Батьков.

— Именно. И кость в плече не просто пробита. Лезвие прошло сквозь нее почти без отклонения. Человек мог бы нанести такой удар только при определенных условиях, но я не знаю ручного оружия, которым можно одновременно по-

лучить такую глубину и сохранить настолько узкий раневой канал.

— То есть опять не человек, — раздраженно вздохнула Варвара Николаевна.

— Я этого не говорила.

— А подумала?

Наталья посмотрела на нее и закрыла папку.

— Я думаю, что имеющихся данных недостаточно для вывода.

— Морозова.

— Варвара Николаевна, вы знаете мое мнение. Но в заключении его не будет.

Волкова потянулась к пачке, достала новую сигарету и закурила от зажигалки. Батьков снова посмотрел на фотографии. На Заводской Жук лежал в подвале на старой раскладушке. Тогда все это потерялось за плесенью, бумагами, ромашкой и следами, которые вели к Собору. Теперь неизвестный повторил убийство почти в точности.

— Сердце, — напомнил он. — У Жука оно было на месте.

— Это единственное существенное различие, — ответила Морозова. — У Лапина сердце извлечено и оставлено рядом с телом. У Жука повреждение грудной клетки было таким же, но сердце осталось внутри. Возможно, в первый раз убийца не закончил начатое. Или вчера по какой-то причине изменил способ.

— А запах? — спросила Волкова.

— Тот же. Слабый запах горького миндаля. В квартире его почувствовали мы со Станиславом Михайловичем оба. Я взяла смывы со стены, одежды и пола. Первые результаты будут к вечеру, но, если помните, при осмотре Жука обнаружили следовые количества цианистых соединений. Если сейчас найду то же самое, сомнений почти не останется.

— У меня их и так немного, — отрезал Стас.

Волкова поднялась и подошла к балконной двери. За стеклом висело низкое серое небо. Дождь за ночь закончился, но по карнизу еще стекала вода, разбиваясь о наружный блок кондиционера. Она открыла дверь и выпустила дым наружу.

— Лапин полез куда не надо. Архитектура, технический надзор, старые планы. И эти его бумаги с подземным помещением.

— Ковалев поедет в управление, — сказал Батьков. — Выяснит, над чем тот работал.

— Ковалев выяснит то, что лежит сверху. А нам нужно знать, куда Лапин успел залезть и почему его за это выпотрошили.

Она вернулась к столу и взяла фотографию чертежа. В правом углу стояла пометка «КН-3», лестница на плане уходила в прямоугольное помещение без подписи.

— Опять Собор? — спросил майор.

— Не знаю. Но Жук был связан с Яропольцевым сто процентов. Теперь человек из управления архитектуры, который копался в старых зданиях, убит тем же способом. Слишком

удачно все складывается.

— Для Яропольцева?

— Для нас, Стас. Удачно складывается в одну поганую картину.

Полковник бросила фотографию на стол и снова затянулась. Сигарета дрогнула между пальцами.

— Какая-то тварь опять ходит по городу. Яропольцев рядом, я это чувствую. А следовательно у нас Ковалев.

— Ковалев нормальный следователь.

— Нормальный. Поэтому половины дела ему знать нельзя.

Батьков откинулся на спинку стула. Разговор все равно должен был дойти до Добрыни. Варвара Николаевна это понимала, Морозова тоже. Последняя сидела неподвижно и смотрела на закрытую папку, словно происходящее ее не касалось.

— Горский все равно припрется, — сказал Станислав. — Вчера психанул, потому что решил, что его насовсем заменили.

Волкова резко повернулась к нему.

— Я не тупая, Стас. Я и сама понимаю, что он решил.

— Тогда зачем говорите про Ковалева?

— Затем, что Ковалеву я не могу показать все материалы. А Горский сейчас не способен подняться на третий этаж без остановки.

— Значит, пока работаем без него.

— Спасибо. Сама бы не догадалась.

Майор пропустил колкость мимо ушей. Полковник злилась не на него. Она прошла к столу, села и несколько раз постучала пальцами по фотографии Лапина.

— Притащился вчера в форме, зараза, как будто от этого у него печень сразу обратно срослась. Еще немного посидел бы — пришлось бы скорую прямо в отдел вызывать.

— Вы правильно отправили его домой, — сказала Морозова.

До этого она говорила спокойно, размеренно, но сейчас слова прозвучали слишком быстро. Батьков повернул голову.

— В его состоянии нельзя работать, — продолжила Наталья. — Даже если он способен сидеть за столом, это ничего не значит. Любая нагрузка может вызвать осложнения. Тем более выезд на место преступления.

— Я это знаю, — отрезала Волкова. — Поэтому и выгнала.

— Тогда Горского пока нельзя привлекать к расследованию.

Станислав посмотрел на Морозову внимательнее. Она выдержала его взгляд, только пальцы снова сжали край папки.

— Я понял, Наталья Альбертовна.

— Что именно вы поняли, Станислав Михайлович?

— Что Горскому нельзя работать.

Несколько секунд она молчала. Потом спокойно поправи-

ла лежащие на коленях листы.

— Хорошо, что мы друг друга понимаем.

Воевода перевела взгляд с нее на Батькова и прищурилась, но спрашивать ничего не стала. Снова взяла сигарету и тут же затушила, хотя та не успела догореть даже до половины.

— Значит, так. Ковалев занимается Лапиным. Вы ему не мешаете, под ногами не путаетесь и в начальство не играете. Пусть делает свою работу. Хлыстов с Вихровым поднимают все по Жуку. Не только последние материалы — все с самого начала.

— Уже поднимают, — ответил майор. — Я им сказал до того, как вы вызвали.

— Хотя что-то мне сегодня не приходится объяснять.

— Я тоже займусь Лапиным. Посмотрю, какие объекты он проверял и где мог пересечься с людьми Яропольцева.

— Вместе с Ковалевым.

— Вместе с Ковалевым, — согласился Станислав.

Морозова убрала листы в папку.

— Я закончу сравнение повреждений и проверю смывы. Если состав совпадет, сообщу сразу.

— Логинову скажи, чтобы не торопился с полным заключением, — распорядилась полковник. — Сначала пусть покажет тебе.

Наталья кивнула.

— Я уже сказала.

Она поднялась и взяла чемоданчик. Батьков тоже встал,

но Волкова остановила его взглядом.

— Ты останься. Морозова, свободна.

Та дошла до двери и взялась за ручку.

— И Горскому никто не звонит, — добавила Воевода. —

Ни по этому делу, ни по Жуку. Ему вчера все ясно сказали.

Морозова на секунду задержалась.

— Разумеется, Варвара Николаевна.

Дверь за ней закрылась. Батьков снова сел. Волкова дождалась, пока шаги Морозовой стихнут в коридоре, и потянулась к пачке.

— Даже не начинай, — предупредила она.

— Я ничего не сказал.

— По лицу вижу.

— Это у вас от Горского?

— Что?

— По лицам читать научились.

Она некоторое время молча смотрела на него сквозь дым.

— В последнее время больше ничего не было?

Станислав нахмурился.

— Чего?

— Не придуривайся. Нового ничего не снилось?

— Нет.

— А наяву?

— Тоже нет.

— Рука сама не двигалась? Слова чужие не говорил?

Батьков откинулся на спинку стула и скрестил руки на

грудь.

— Вы опять?

— Ответ нормально.

— Я уже ответил. Ничего не было.

Волкова разочарованно вздохнула, медленно кивнула и стряхнула пепел. Стас смотрел на нее и чувствовал, как поднимается знакомое раздражение. За последний месяц они возвращались к этому разговору не меньше пяти раз. Варвара Николаевна задавала вопросы, запоминала ответы, иногда переспрашивала, но сама не говорила ничего. Она еще несколько секунд смотрела на него, словно ждала продолжения. Потом отвела глаза и слишком резко затушила едва начатую сигарету.

— И все?

— А должно быть что-то еще?

— Понятно, — бросила она и опять потянулась к пачке.

— Что вам понятно?

— Ничего.

— Вот именно. Вы опять спросили про сны, про руку, про слова. А когда спрашиваю я, сразу разговор заканчиваете.

Воевода затянулась и отвернулась к окну.

— Я уже сказала все, что могла.

— Вы вообще ничего не сказали!

Он повысил голос и тут же замолчал. Дверь в кабинет закрыта плотно.

— Моей рукой кто-то двигал. Не показалось, не присни-

лось. Я стоял на собственной кухне и не управлял своим телом. Потом услышал, как произношу слова, которых никогда в жизни не знал. И изгнал эту тварь. Я откуда-то точно знал, что Лихо ушло туда, откуда само уже не вернется.

— Оно может вернуться, — негромко сказала Волкова. — Если его снова призовут.

— Вот! Вы и это знаете.

Полковник сжала губы, но промолчала. Стас подался вперед, уперев ладони в колени.

— Я назвал какого-то Большака. Заклинал его кровью. Что это значит?

Она не смотрела на него.

— Не знаю.

— Не врите мне.

— Батьков!

— Вы даже не удивились, когда я вам рассказал. Ни имени не переспросили, ни слов. Только начали выяснять, что еще я видел и слышал. Значит, прекрасно знаете, кто это такой!

Сигарета застыла возле губ Волковой. Она сделала короткую затяжку, затушила ее и сразу потянулась за следующей.

— Варвара Николаевна, я к вам домой приезжал. Вы сказали, что не время. Здесь спрашивал — вам говорить нельзя. Потом позвонил, а вы трубку положили. Сколько мне еще ходить за вами и выпрашивать?

— Я не могу тебе ответить.

— Не можете или не хотите?

Она подняла на него глаза.

— Не могу, Стас. Пока не могу.

— Почему?

— Потому.

— Отличный ответ.

Майор встал и прошел к окну. Во дворе кто-то заводил машину. Старый двигатель несколько раз захлебнулся, взревел и наконец заработал. Он дождался, пока шум стихнет, и повернулся.

— Может, тогда хотя бы скажете, кто я такой?

Волкова вздрогнула. Пальцы сильнее стиснули пачку, сминая верхний край.

— Ты Станислав Михайлович Батьков. Майор полиции и старший опер моего отдела.

— Это я и без вас знаю.

— Тогда чего спрашиваешь?

— Потому что месяц назад я так не думал. Стоял с этим проклятым зеркалом в руке и не понимал, что со мной происходит. А вы сейчас сидите и делаете вид, как будто все нормально.

— Я не делаю вид.

— Тогда скажите правду.

— Не могу.

Она произнесла это почти зло, но Стас услышал другое. Варвара Николаевна не просто упрячилась, а чего-то боялась, о чем опять не собиралась рассказывать.

— Значит, так и будем? — спросил он. — Вы вытягиваете из меня все, а сами молчите?

— Пока — так.

Станислав усмехнулся и покачал головой. Спорить дальше не имело смысла. Если Волкова решила молчать, из нее и на допросе ничего не вытащишь.

— И что мне с зеркалом делать?

— Пусть лежит.

— Где?

— Где сейчас лежит?

— Дома. В ящике стола.

— Вот и не трогай.

— Оно Веденееву принадлежит. Может, вернуть?

— Нет, — отрезала Волкова. — Пусть остается у тебя. Мало ли какой придурок опять решит Лихо призвать.

— А если решит?

— Тогда зеркало понадобится.

Майор поправил куртку и направился к двери. Воевода проводила его взглядом.

— И насчет Горского... Я серьезно. Чтобы никто ему не звонил.

Батьков остановился, положив руку на дверную ручку.

— Ему звонить и не придется.

— Это еще почему?

Он посмотрел на нее через плечо.

— Потому что он сам скоро опять припрется.

К полудню Добрыня окончательно возненавидел собственную квартиру. Слишком тихо. Даже телевизор не помогал. Он включил его еще утром, нашел какой-то старый боевик и оставил работать, но за два часа ни разу не посмотрел на экран. Там стреляли, гонялись друг за другом на машинах и время от времени орали так, будто без этого зритель не поймет, что происходит.

Телефон лежал на журнальном столике. Горский старался на него не смотреть, но все равно проверял каждые несколько минут. Хлыстов больше ничего не написал. Батьков не звонил. Волкова тоже. Видимо, прекрасно справлялись без него.

Ковалев наверняка уже сидел в отделе, изучал фотографии, опрашивал соседей и ждал результаты экспертиз. Может, занял его стол. Батьков, конечно, сказал, что никто его дел Пашке не отдавал, но вчера он еще много чего говорил о больничном, печени и неспособности подняться на третий этаж.

Добрыня осторожно выпрямился на диване. Под правыми ребрами сразу потянуло. Он переждал, пока боль ослабеет, и дотянулся до пачки сигарет. Курить врачи запретили. Пить запретили. Нормально двигаться и то запретили. Оставалось лежать, глотать таблетки и радоваться, что выжил.

— Счастье-то какое, — пробормотал он.

Зажигалка щелкнула со второго раза. Он сделал несколь-

ко затяжек и стряхнул пепел в пустую кружку. На журнальном столике стояла пепельница, но тянуться за ней не хотелось. Вчера он лег почти сразу после возвращения домой. Даже форму снял не сразу. Китель так и висел на спинке стула, пальто лежало рядом, фуражка валялась на тумбочке в прихожей.

Он снова посмотрел на телефон. Ни одного звонка. В рабочем чате несколько новых сообщений, но открывать их Горский не стал. Еще увидит, как Ковалев отчитывается по трупам, и совсем настроение испортится.

Телевизор взорвался очередью. Добрыня раздраженно схватил пульт и выключил звук. В тишине сразу проступили другие шумы. За стеной работала стиральная машина, этажом выше кто-то двигал стул по кухне. В подъезде хлопнула дверь. Зазвенели ключи, потом женщина негромко выругалась и поставила на пол тяжелый пакет.

Он замер с сигаретой у губ. Женщина находилась не за дверью его квартиры, а где-то внизу. Кажется, на два этажа ниже. Горский слышал, как она снова подняла пакет, как зашуршал целлофан и перекатились внутри стеклянные банки.

Лифт пришел с глухим скрежетом. Открылись двери. Женщина вошла в кабину и нажала кнопку. Он почему-то точно знал, что она едет на шестой. Через несколько секунд лифт остановился.

Горский медленно положил сигарету в кружку и прислу-

шался. Женщина вышла, прошла по площадке и открыла дверь. Замок щелкнул дважды. Потом из квартиры выбежала маленькая собака и радостно заскребла когтями по полу.

Он потер висок. В больнице все это еще можно было списать на обезболивающие, кровопотерю и дурацкую акустику. Здесь он жил несколько лет. Стены были толстыми, соседей почти не слышно. Тем более тех, кто находился не на его этаже.

— Нервы, — сказал он вслух. — Просто нервы.

Собственный голос прозвучал неубедительно. Добрыня встал с дивана. Пришлось придержать бок ладонью и немного постоять, дожидаясь, пока перестанет тянуть. Потом медленно дошел до кухни.

На столе оставались вчерашняя тарелка и стакан с водой. В раковине лежала сковородка, на которой он утром пытался пожарить яичницу. Обычно квартиру убирала женщина, приходившая два раза в неделю, но после больницы он отменил ее визиты. Не хотелось, чтобы кто-то видел его таким. Тем более жалел, вздыхал и предлагал помощь.

Он достал из шкафа чистую кружку, включил чайник и оперся ладонями о столешницу. Футболка сразу натянулась на боку. Шов под ней дернуло, словно напоминая, что даже за чаем лучше ходить осторожно.

На темном стекле духовки отражалась его фигура. Лицо почти не разглядеть, только светлое пятно и красная полоса, пересекающая его наискосок. Добрыня отвернулся.

В больнице он видел какого-то мужика со старым шрамом на том же месте. Тогда получилось убедить себя, что это последствия наркоза. Потом были обезболивающие, температура, бессонные ночи. Мозг мог показать что угодно. Но сон объяснить не получалось.

Почему он смотрел на того бугая с топором так, если тот прикажет умереть, то умрет с радостью? Не из страха и не потому, что обязан. Просто иначе невозможно.

Глупость. За всю жизнь Горский никому не подчинялся настолько безоговорочно. Даже Батькову. Хотя тот, конечно, очень хотел бы. Хмыкнул он про себя.

Чайник щелкнул. Он налил кипяток в кружку и полез в шкаф за сахаром. Пачка стояла на верхней полке, пришлось потянуться. В боку прострелило, пальцы разжались, и сахарница выскользнула из рук. Он поймал ее возле самого пола и несколько секунд стоял согнувшись, сжимая обеими руками. В животе пульсировала боль. Он медленно выпрямился и поставил ее на стол. Ничего особенного. Уронил и поймал. Рефлекс.

Только вот он протянул руки раньше, чем сахарница начала падать.

Добрыня потер лицо и сразу наткнулся пальцами на шрам. Кожа под ними была гладкой, стянутой и еще слишком чувствительной. Он провел по красной полосе от подбородка до брови. В памяти всплыл отец, сидящий перед ним на корточках возле дачного крыльца.

«Шрамы — это карта. По ней узнают своих».

У Никиты Алексеевича все было не как у нормальных людей. Даже восьмилетнему сыну нельзя было просто сказать, что рана заживет.

Горский с раздражением поставил кружку на стол и вышел в коридор. Возле входной двери висело большое зеркало. Раньше он всегда задерживался перед ним, проверял воротник, волосы, галстук. Теперь старался проходить мимо.

Отражение смотрело прямо на него. Бледное лицо, щетина, отросшие волосы. Шрам казался еще ярче при дневном свете. Добрыня приблизился и провел по нему пальцем.

— Ну и кто меня по ней должен узнать?

Зеркало, конечно, не ответило. Горский стоял в коридоре, сгорбившись сильнее обычного и придерживая ладонью бок. А потом отражение вдруг исчезло...

В лицо ударил горячий ветер. Пахло дымом, мокрой землей и кровью. Где-то рядом кричали люди. Добрыня попытался отступить, но ноги двинулись вперед.

На нем была тяжелая кожаная одежда с металлическими пластинами. Левую руку оттягивал круглый щит, в правой находился короткий широкий меч. К пальцам прилипла кровь. Не его.

Он видел все это чужими глазами. Смотрел на свои руки, которые были крупнее, темнее и покрыты старыми шрамами. Чувствовал сильное тело, каждую мышцу, дыхание и сердце, бьющееся ровно, без страха.

Вокруг горело поселение. Огонь полз по деревянным крышам, пожирал сухую солому и перебрасывался на соседние дома. Между ними двигались люди и твари. Последние казались тонкими, почти плоскими, словно их вырезали из ночи и поставили на ребро. Они возникали возле стен, исчезали в дыму и появлялись в другом месте. Но скрыться от него не могли.

Он видел, где находится каждая, но не глазами. Черные следы оставались в воздухе, цеплялись за землю и тянулись за тварями, выдавая любое движение. Одна пыталась обойти справа. Он развернулся раньше, чем она вышла из дыма, и ударил мечом. Лезвие вошло во что-то твердое. Раздался пронзительный визг, черная фигура рухнула под ноги и рассыпалась.

Впереди сражался тот огромный мужик с топором, которого Добрыня видел во сне. Он двигался быстро для своего роста, одним ударом отбрасывая тварей в огонь. Добрыня не знал его имени, но чужое сердце внутри билось в одном ритме с его шагами. Не требовалось приказов. Он заранее понимал, куда двинется мужчина, и закрывал место, которое тот оставлял открытым. Между ними не было ни страха, ни сомнений. Только уверенность, выработанная сотнями боев.

Тварь появилась за спиной того мужика. Добрыня заметил ее раньше, чем она обрела форму. Черный след протянулся по земле, поднялся по стене и метнулся вперед. В длинной руке блеснуло узкое кривое лезвие. Он успевал крик-

нуть. Мог предупредить. Но тело уже сделало выбор.

Добрыня шагнул между ними и вскинул щит. Тварь ударила сверху. Лезвие скользнуло по металлическому краю, высекло искры и вошло в лицо возле подбородка.

Боль оказалась ослепляющей. Кожа разошлась до самой брови. Глаз залило горячей кровью, но он не отступил. Ударил мечом снизу и почувствовал, как лезвие проходит сквозь черную плоть.

Тварь завизжала. Ее рука дернулась, когти разодрали плечо, но в следующую секунду топор обрушился сверху и разрубил существо пополам.

Огромный мужик повернулся. Добрыня снова не увидел лица. Только темную бороду, тяжелую грудь под кольчугой и руку, сжавшую его за плечо.

— Стоишь?

Голос был низким и знакомым до боли. Чужие губы растянулись в усмешке. Кровь попала в рот, соленая и теплая.

— А куды я денусь?

Мужик коротко хмыкнул и отпустил его. Не благодарил, не спрашивал о ране. Просто снова повернулся к бою, зная, что тот пойдет следом.

И он пошел. Несмотря на боль, кровь и глаз, которым почти ничего не видел. Встал рядом, поднял меч и почувствовал такое спокойствие, какого Добрыня не знал никогда. Здесь не надо было никому ничего доказывать. Никто не смотрел на его раны с жалостью. Ему доверяли спину. Его

место было рядом с этим человеком, и другого он не хотел.

Из горящего дома вырвалась новая тень. Черный след потянулся по земле прямо к ним. Добрыня поднял щит.

Коридор вернулся внезапно. Он отшатнулся от зеркала и ударился плечом о стену. В боку вспыхнула боль, ноги подкосились. Пришлось ухватиться за тумбочку и медленно опуститься на корточки.

Перед глазами плыло. Щека горела так, словно ее только что рассекли. Горский прижал ладонь к шраму и отнял. Крови не было.

Телевизор в комнате продолжал показывать беззвучный боевик. За стеной стиральная машина закончила работу и запищала. Добрыня сидел на полу и тяжело дышал.

Это был не сон. Он чувствовал вес щита, рукоять меча и чужую кровь на пальцах. Помнил черные следы, которые не мог видеть обычный человек. И большое тело рядом. Вожака, которому доверял так, словно прожил с ним целую жизнь.

Горский поднялся, держась за стену, и снова посмотрел в зеркало. Оттуда глядело его лицо, только глаза казались темнее, чем обычно.

— Какого хрена тебе от меня надо?

Отражение молчало. Он вернулся в комнату и сел на диван. Телефон по-прежнему лежал на столике. Он взял его, открыл список контактов и нашел номер отца.

Они не разговаривали уже несколько лет. Последний зво-

нок закончился тем, что Горский послал его к черту и бросил трубку. Отец не перезвонил. Никогда не перезванивал. Считал, если сын захочет, то объявится сам.

Он посмотрел на свое отражение в темном экране. Шрам пересекал лицо точно так же, как у мужчины из видения. Отец знал. Про шрамы. Про людей в полиции, которые ищут не обычных преступников. Наверное, знал и того человека. Или хотя бы понимал, кем тот был.

Палец лег на кнопку вызова. Горский представил голос Никиты Алексеевича. Спокойный, холодный, как будто звонка он ждал и заранее подготовил ответы. Потом начнутся паузы, недомолвки и очередные загадки. Нет. Не сейчас.

Добрыня погасил экран и положил телефон. Взгляд оставился на кителе, висевшем на спинке стула. В чужой памяти он стоял рядом с вожакom и точно знал, что нужен ему. Не больной, не слабый, не изуродованный. Он даже не спросил о ране. Просто убедился, что тот остается на ногах, и снова повернулся к врагу, доверяя прикрыть спину.

А здесь его отправили домой. На его место поехал Ковалев. Батьков решил, что без него справятся, Волкова приказала лежать и восстанавливаться. Все дружно сделали вид, что заботятся, а сами продолжили расследование.

Под ребрами снова заныло. Он выругался, поднялся и медленно подошел к стулу. Взял китель, расправил плечи и осторожно надел. Боль прострелила живот, пришлось остановиться. Он дождался, пока отпустит, застегнул пуговицы

и поправил воротник.

В зеркале возле двери снова появился раненый следователь. Бледный, злой и со шрамом через все лицо. Но теперь Добрыня видел еще одного человека. Тот стоял в горящем поселении со щитом и мечом, залитый кровью, и даже не думал падать.

— Хрен вам! Я еще не сдох!

Глава 3

На третий день Стася перестала чувствовать холод. Наверное, это плохо, но думать об этом не получалось. Она сидела в дальнем углу железнодорожного вокзала, спрятав босые щиколотки под пластиковое сиденье, и смотрела, как люди торопятся к выходу. Одни тащили чемоданы, другие обнимали встречающих, кто-то ругался по телефону или пытался успокоить плачущего ребенка. Никто не обращал внимания на девушку в мятой футболке и мокрых кроссовках.

Она пришла сюда еще в ту ночь. Сначала долго бродила по незнакомым улицам, пока не увидела освещенные окна и большую вывеску над входом. Вокзал показался безопасным. Здесь всегда были люди, охрана и полицейские. Если с ней снова что-нибудь случится, ее остановят. Наверное.

Она выбрала место возле стены и просидела до утра, а потом еще целый день. Несколько раз проваливалась в сон, но тут же просыпалась от объявлений, шагов или собственного испуганного всхлипа. Мужчина в белой рубашке больше не снился. Руки оставались руками, отражение в темном окне не менялось.

Постепенно Стася почти убедила себя, что той ночью ничего не произошло. Она просто не спала больше двух суток. Увидела кошмар, испугалась и выбежала из дома. От усталости могло привидеться и лезвие вместо руки, и незнакомец в

зеркале. Даже его имя мозг придумал сам. Сиверна. Странное, непонятное, совсем не похожее на настоящее. Наверное, поэтому и запомнилось.

Оставалось вернуться домой. Закрывать дверь, принять горячий душ и позвонить Вацлаву Лаврентьевичу. Он наверняка уже искал ее. Стася должна была посетить вчера вечернюю службу, но не пришла и даже не предупредила. От одной мысли о разговоре с ним внутри все сжималось. Он, конечно, не станет кричать, посмотрит внимательно и спросит, почему она снова ему не доверилась.

Вацлав Лаврентьевич всегда говорил, что страх делает человека одиноким. Нельзя прятать его внутри, иначе он станет только сильнее. Надо рассказать тому, кто способен понять. Стася раньше верила, что Вацлав Лаврентьевич способен. Наверное, верила и сейчас, только стоило подумать о возвращении, как перед глазами появлялось испуганное лицо мужчины в белой рубашке.

Она крепко сжала пальцы и спрятала руки между коленей. Мысли снова повели не туда. Никакого мужчины не существовало. Как и той комнаты, разбитой рамки и сердца, упавшего на пол. Если повторять это достаточно долго, рано или поздно получится поверить.

В голове закружилось. Стася закрыла глаза и прислонилась затылком к стене. Есть не хотелось совсем. В первый день женщина из кафе заметила, как она долго смотрит на булочки за стеклом, и вынесла ей чай с двумя пирожками.

Стася съела один только потому, что та стояла рядом и ждала. Второй до сих пор лежал в бумажном пакете под сиденьем. Вчера она откусила пару раз и больше не смогла. Еда разбухала во рту, не лезла в горло и вызывала тошноту.

Воду она пила в туалете. Иногда заставляла себя сделать несколько глотков, когда начинало темнеть в глазах. Потом снова садилась в угол и смотрела на людей. Все вокруг продолжали жить, словно ничего не случилось. Поезда приходили и уходили. В зале сменялись пассажиры. Только Стася оставалась на месте.

Возле входа появился тот же охранник, который уже дважды проходил мимо и внимательно на нее смотрел. Она опустила голову. Если спросит билет, придется уйти. Денег не было, телефон остался дома вместе с сумкой и ключами. Можно попробовать попросить у кого-нибудь позвонить, но Стася не помнила ни одного номера. Раньше это казалось неважным. Все нужные люди находились в списке контактов.

Охранник остановился у кофейного автомата и заговорил со вторым мужчиной в такой же форме. Оба посмотрели в ее сторону. Стася поднялась и пошла к противоположному концу зала, стараясь не торопиться. Ноги затекли, пол слегка качнулся. Пришлось коснуться ладонью стены и немного постоять, пока темные пятна перед глазами не исчезли.

У закрытого газетного киоска висел телевизор. Обычно на нем без звука крутили рекламу, но сейчас шли городские новости. Под экраном тянулась бегущая строка, в углу горел

логотип местного канала. Несколько пассажиров остановились рядом, ожидая объявления о задержанном поезде.

Стася тоже замедлила шаг. На экране показали мокрый проспект, серую панельную девятиэтажку и полицейскую машину возле подъезда. Дом был ей незнаком.

Кадр сменился. Появилась дверь квартиры с разбитым замком, потом короткий темный коридор. Камера задержалась на комнате, где у стены расплзлось большое бурое пятно, часть обоев срезали, а на полу лежали пронумерованные таблички. В кадр попали высокое кресло возле окна, чашка на подоконнике и настольная лампа с желтым абажуром.

Стася остановилась. Вокзал исчез. Она снова стояла посреди той комнаты и не могла пошевелиться. Мужчина вскакивал с кресла, ноутбук соскальзывал с колен и падал на пол. За окном шел дождь. На подоконнике стояла та самая чашка.

Нет. Похожие кресла продавались в любом мебельном магазине. Настольные лампы тоже. Она могла где-то видеть такую комнату и забыть, а мозг использовал ее во сне. Ничего это не доказывало.

На экране появилась фотография полноватого, улыбающегося и немного щурящегося от солнца мужчины. На нем была светлая рубашка, возле ворота виднелся край синего галстука. Под фотографией написали: «Сергей Лапин».

Стася перестала дышать. Лицо она узнала сразу. Те же полные щеки, редкие волосы и маленькие настороженные глаза. Только во сне они были расширены от ужаса, а губы

дрожали, когда он предлагал ей деньги.

Его голос прозвучал так отчетливо, что Стася резко обернулась. Позади разговаривали две женщины, мужчина в серой куртке читал расписание. Никто не смотрел на нее.

Она снова повернулась к телевизору. Репортер стоял возле подъезда под зонтом и говорил что-то о жестоком убийстве сотрудника городского управления архитектуры. Звук был слишком тихим, отдельные слова тонули в вокзальном гуле. Стася различила только, что тело обнаружили рано утром, дверь была заперта изнутри, а следствие рассматривает несколько версий.

По экрану снова прошли кадры квартиры. Стол с разбросанными документами. Ноутбук на полу. Осколки рамки сложены в прозрачный пакет. Самой фотографии не показали, но Стася и без этого видела улыбающуюся девочку с двумя хвостиками и щербинкой между зубами. Кровь тогда медленно подбиралась к ее лицу, заполняя трещины в стекле.

В правом предплечье заныло. Стася прижала руку к животу и попятилась. Кто-то недовольно толкнул ее плечом, спеша к выходу, но она почти не почувствовала удара.

— Девушка, вам плохо? — спросила пожилая женщина возле киоска. — Вы вся белая.

Стася покачала головой и отступила еще на шаг. Женщина нахмурилась, собираясь подойти, но она развернулась и быстро пошла прочь. Пол снова качнулся. Правый кроссовок

едва не слетел с ноги, пришлось остановиться возле колонны и сунуть пальцы под пятку.

Нормально дышать не получалось. Воздух застревал в горле и выходил короткими судорожными выдохами. Она посмотрела на правую ладонь. Обычная кожа, тонкие пальцы, обкусанные ногти, но внутри руки осталось другое ощущение. Тяжесть длинного лезвия. Теплая кровь, стекающая к плечу. Сопротивление кости перед тем, как та сломалась.

— Это не я, — прошептала Стася. — Меня там не было.

Люди обходили ее, кто-то раздраженно оглянулся. Она опустила руку и прижалась спиной к колонне. В памяти один за другим возникали удары. Первый — в правое плечо. Второй — снизу вверх через живот. Потом горло. Последним сердце, упавшее возле фотографии.

Ни в одном репортаже об этом не сказали. Она не могла услышать подробности по телевизору и придумать их потом. Знала раньше. Видела сама.

На экране еще оставалась фотография Сергея Лапина. Теперь рядом показали женщину и девочку чуть постарше. Наверное, жену и дочь. Лица закрыли размытыми пятнами, но девочка стояла, вцепившись в материнскую руку.

Стася отвернулась. Она видела, как убили ее отца. Слышала крик и чувствовала кровь на лезвиях. Но она находилась в это время дома! Спала на полу возле кровати и не могла оказаться в чужой квартире! Тогда что это было?

К горлу подступила тошнота. Стася зажала рот ладонью и

бросилась в туалет. Толкнула первую дверь, влетела в кабинку и едва успела наклониться над унитазом. Желудок сводило, но внутри давно ничего не осталось. Несколько минут она стояла на коленях, пока спазмы не прекратились.

Потом она медленно поднялась и вышла к раковинам. Возле зеркала поправляла волосы молодая женщина. Она посмотрела на Стасю, брезгливо поджала губы и отошла в сторону. Стася открыла кран, сполоснула лицо и долго не решалась поднять голову.

В отражении была только она. Бледная, лохматая, с покрасневшими глазами. Никакого незнакомца за спиной. Никаких шрамов, оружия и кожаной одежды. Правая рука лежала на краю раковины и оставалась обычной.

Стася поднесла ее к лицу. От влажных пальцев пахло ржавыми трубами и дешевым мылом. Она втянула воздух еще раз, пытаясь уловить сладковатую горечь, и ничего не почувствовала. Только на языке снова появился металлический привкус.

Надо было пойти в полицию. Рассказать про сон, квартиру и Сергея Лапина. Пусть решают, что она сумасшедшая. Зато ее запрут и не позволят больше никому навредить.

Она закрыла воду и вышла в зал. Возле центрального входа стояли двое полицейских. Один разговаривал с охранником, второй лениво оглядывал пассажиров. До них оставалось метров двадцать. Можно подойти и сказать всего несколько слов: «Я знаю, как убили Лапина».

Полицейский повернул голову. Их взгляды встретились. Стася сделала шаг, но перед глазами вдруг возникло другое лицо. Суровое, усталое, с внимательными светлыми глазами. Майор Батьков. А если рассказать ему про Лапина? Тогда полиция придет домой, начнет спрашивать о прежних провалах в памяти и «Соборе». Он уже спрашивал. И они позовут Вацлава Лаврентьевича. Он посмотрит на нее своим спокойным, понимающим взглядом и снова скажет, что бояться нечего. Что Цальдо дает ей силу, а все происходящее имеет смысл. Раньше его слова помогали. Сейчас от одной мысли о них становилось только страшнее.

Полицейский направился к ней. Может быть, просто хотел пройти мимо, но Стася отступила назад. Он нахмурился и ускорил шаг. Она развернулась и почти побежала к боковому выходу. Двери разъехались, в лицо ударил холодный ветер. На площади снова моросил дождь. Она спустилась по мокрым ступеням, едва не подвернув ногу, и затерялась среди людей.

Теперь она знала точно. Сергей Лапин существовал. Его квартира существовала. И той ночью ей ничего не приснилось.

Рамон сидел на подоконнике и читал книгу, которую принес тот молодой веселый полицейский. За месяц он добрался только до середины. Детектив оказался скучным: убийцу мальчик угадал еще в третьей главе, а следователь продол-

жал спрашивать соседей и почему-то не замечал очевидного.

За окном моросил дождь. Во дворе санитар сгребал мокрые листья в кучу, ветер тут же растаскивал их обратно. Рамон наблюдал за ним несколько минут, потом перевернул страницу и снова забыл, о чем только что прочитал.

На кровати лежала раскрытая дорожная сумка. Оксана Петровна принесла ее утром и велела складывать вещи, но собирать было почти нечего. Две футболки, спортивные штаны, белье и зубная щетка. Остальное осталось у Холодовых. Куда его собирались увезти, она не сказала.

Из коридора донесся голос Волковой. Рамон не разобрал слов, но узнал ее сразу. Второй голос принадлежал Оксане Петровне. Они остановились возле двери и почему-то не входили.

— При нем поговорим, — сказала Волкова. — Хватит решать за его спиной.

Дверь открылась. Полковник вошла первой, стряхнула с плеча капли и посмотрела на сумку.

— Собрался?

— Не знаю.

— Очень содержательный ответ.

— А куда?

Оксана Петровна закрыла дверь и подошла к кровати. Сегодня она была не в халате, а в темном шерстяном платье и старой кофте с растянутыми рукавами. Без белой формы она выглядела непривычно маленькой.

— Вот сейчас и решим, — ответила она.

Рамон спустил ноги на пол. Книгу оставил на подоконнике, заложив пальцем нужную страницу. Волкова сняла пальто, повесила на спинку стула и достала из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист.

— Борис Маркович подписал заключение. Держать тебя здесь больше не будут. Завтра выписывают.

Рамон посмотрел на сумку с сожалением.

— Домой?

— К Холодовым ты не вернешься.

Он ничего не ответил. Только палец, зажатый между страницами, перестал держать книгу, и та захлопнулась.

— Игорь Павлович уже написал жалобу начальнику управления, в прокуратуру и уполномоченному по правам ребенка, — продолжила Волкова. — Утверждает, что полиция незаконно скрывает несовершеннолетнего от семьи. У него хорошие документы и очень правильные слова. Ни одного лишнего.

— Он всегда так умеет.

— Знаю.

Варвара Николаевна положила лист на тумбочку. Рамон не стал читать. С расстояния видел только печать внизу и подпись, похожую на длинную царапину.

— Пока идет проверка, тебя могут временно поместить в социальный центр. Там обычные воспитатели, комнаты на несколько человек и охрана.

— Нет, — сразу произнесла Оксана Петровна.

Полковник повернулась к ней.

— Я еще не закончила.

— А мне хватило. В другой казенный дом он не поедет.

— Оксана...

— Нет, Варя. Он достаточно по ним пожил.

Рамон перевел взгляд с одной на другую. Оксана Петровна редко повышала голос. Сейчас тоже говорила тихо, но каждое слово звучало так, что спорить с ней не хотелось. Волкова достала пачку сигарет, покрутила в пальцах и раздраженно бросила на тумбочку.

— Хорошо. Куда ты предлагаешь его везти?

— Ко мне.

— На каком основании?

— Оформлю временную опеку.

— За один день? У Холодовых отличная репутация, не сразу получится доказать жестокое обращение.

— Значит, сделаем так, чтобы получилось.

Варвара Николаевна усмехнулась.

— Прекрасный план. Особенно подробности.

— За подробностями я к тебе и обратилась. Мне нужна именно твоя помощь.

Рамон снова посмотрел на сумку. Получалось, Оксана Петровна принесла ее раньше, чем договорилась с Волковой. Просто решила, что он уедет вместе с ней, и теперь подгоняла под это решение бумаги.

— И давно вы собрались меня забрать?

Она повернулась.

— Давно.

— Насколько?

Оксана Петровна на секунду отвела глаза.

— Какая теперь разница?

— Просто спросил.

— Тогда ответу: с того дня, когда увидела тебя здесь в первый раз.

Рамон нахмурился.

— Но ничего не сделали.

— Сделала. Узнавала, советовалась, собирала справки.

Потом поняла, что Холодовы меня к тебе даже близко не подпустят, если узнают. Пришлось ждать.

— Чего?

— Возможности. И... чтобы ты проснулся.

Раньше тетя Оксана была одна. Теперь рядом стояла полковник полиции, которая умела добиваться своего не хуже Игоря Павловича.

Волкова подошла к окну. Санитар внизу бросил грабли, собрал листья руками и наконец затолкал их в черный мешок.

— Временную передачу еще можно протолкнуть. Есть заключение врача, показания Рамона и материалы проверки. Но Холодовы оспорят решение. И быстро.

— Пусть.

— Не перебивай. Они его усыновили. Пока суд не отменит усыновление или не лишит их родительских прав, ты для закона посторонний человек.

Оксана Петровна побледнела.

— Я ему не посторонняя.

— Мне можешь не объяснять.

— Тогда помоги это доказать.

Волкова повернулась. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Рамон сидел между ними и чувствовал себя папкой, которую забыли убрать со стола перед важным разговором.

— Я подниму все документы, — наконец сказала полковник. — От детского дома до последней госпитализации. Проверим, как Холодовы вышли именно на него, кто помог с усыновлением и почему никто не замечал, сколько раз мальчик попадал сюда. Если там есть за что зацепиться, зацепимся.

— Есть.

— Надеюсь. Потому что одних наших подозрений суду будет мало.

— А моих слов? — спросил Рамон.

Обе женщины посмотрели на него.

— Твои слова будут главными, — ответила Волкова. — Но тебя начнут спрашивать о таком, что вспоминать не захочется. Несколько раз. Разные люди. Психолог, опека, следовательно, потом суд. Холодовы станут отрицать почти все.

Возможно, скажут, что ты болен и неправильно понимаешь происходящее.

— Они так и скажут.

— Поэтому я предупреждаю заранее.

Рамон встал и подошел к сумке. Снял с подоконника книгу, положил поверх вещей и застегнул молнию. Та заела на середине. Он дернул сильнее, но бегунок не сдвинулся. Оксана Петровна хотела помочь, однако он отстранил ее руку и попробовал еще. На этот раз получилось.

— Я расскажу, — сказал он.

— Все? — спросила Волкова.

— Что вспомню.

— Этого хватит.

Оксана Петровна села на край кровати. Руки лежали на коленях, пальцы крепко сцеплены.

— Есть еще одно. Временной опекой я ограничиваться не собираюсь.

Волкова устало потерла лоб.

— Я догадывалась.

— Когда Холодовых лишат прав, я подам на усыновление.

Рамон замер возле сумки. Оксана Петровна сказала это просто, как будто речь шла о новой кровати или школьных тетрадах. Не посмотрела на него и не попыталась улыбнуться.

— А если не лишат? — спросил он.

— Лишат, — отрезала Волкова.

— Вы не можете знать.

— Не могу. Но сделаю все, чтобы лишили.

Рамон отошел к окну. На стекле осталось слабое пятно от его ладони. Он вытер его рукавом и спросил:

— А меня кто-нибудь спросит?

Оксана Петровна подняла голову.

— Я собиралась...

— Когда?

— Сейчас.

— Уже после того, как сумку принесли?

Она виновато посмотрела на кровать.

— Поторопилась.

— Немного.

Волкова хмыкнула, но тут же сделала вид, что закашлялась. Оксана Петровна бросила на нее сердитый взгляд, потом снова повернулась к Рамону.

— Если ты не хочешь жить со мной, так и скажи. Я все равно помогу и не позволю вернуть тебя Холодовым. Найдем другое место, других людей. Только теперь решать будешь ты.

Рамон молчал. Оксана Петровна не торопила и не пыталась его уговорить. Внутри вдруг шевельнулся старый голос, который почти не говорил с ним после штольни. Обычно Рамон слышал только его тяжелое дыхание, а сейчас различил: «К своим».

И снова стало тихо. Он посмотрел на Оксану Петровну.

Та заметно нервничала, но старалась этого не показывать. Большие пальцы терлись друг о друга, а взгляд то и дело соскальзывал на собранную сумку.

Рамон долго молчал. Он представлял ее квартиру. Никогда там не был и не знал, какая она. Наверное, всюду книги, старые чашки и запах лекарств. Возможно, рядом кладбище или морг. Тетя Оксана могла вставать среди ночи, если ее вызывали на работу, и забывать купить хлеб. Но она не станет просить его замолчать, когда вернутся голоса. Не вызовет врачей из-за инея на окне и не посмотрит так, будто пожалела, что впустила в дом. Она почти такая же... своя.

— У меня отдельная комната будет? — спросил он.

Оксана Петровна моргнула.

— Будет. Маленькая, правда. Там сейчас шкаф и старый диван. Шкаф уберем, диван тоже. Купим кровать.

— Стол нужен.

— Купим и стол.

— Я сам выберу?

— Что захочешь.

Рамон немного подумал.

— Тогда хочу.

Она шумно выдохнула и закрыла глаза. Руки все еще лежали на коленях, только теперь дрожали. Рамон подошел ближе и сам взял ее за пальцы. Волкова забрала с тумбочки сигареты и надела пальто.

— Завтра в десять заеду за вами. Сначала в опеку. До ве-

вчера оформим хотя бы временные бумаги.

— А если не успеем оформить? — спросила Оксана Петровна.

Варвара Николаевна застегнула пальто и посмотрела на собранную сумку.

— Все равно поедет к тебе. Бумаги догоним потом.

Телефон Ковалева Добрыня нашел не сразу. Сначала полез в рабочие контакты, потом вспомнил, что номер сохранил еще год назад после какого-то общего совещания. Тогда они обменялись парой сообщений и больше не созванивались. Несколько секунд он смотрел на зеленую кнопку. Звонить человеку, который занял его место в следственной группе, не хотелось. Еще меньше хотелось провести остаток дня дома, разглядывая потолок и прислушиваясь к соседям.

Он нажал вызов. Ковалев ответил после четвертого гудка. На том конце было шумно. Кто-то говорил рядом, хлопнула дверь, потом заскрипел отодвигаемый стул.

— Да.

— Паш, привет. Чего там по трупу на Строителей, тридцать шесть?

На несколько секунд в трубке стало тихо.

— А тебе зачем?

— Интересуюсь успехами родного следствия.

— Горский, дело поручено мне. Тебе материалы никто не передавал.

Добрыня сжал телефон. Бок снова заныл, словно одной этой фразы оказалось достаточно, чтобы напомнить обо всем сразу. О Ковалеве, который поехал вместо него. О Батькове, уверявшем, что без него справятся. О Волковой, выставившей из отдела как мальчишку.

— Да нужны мне твои материалы...

— Тогда зачем звонишь?

Он уже открыл рот, чтобы послать Ковалева и бросить трубку, но вовремя остановился. Так он точно ничего не узнает, только докажет всем, что стал психованным придурком, которого действительно нельзя подпускать к работе.

Он откинулся на спинку дивана и нарочно растянул губы в улыбке, хотя Ковалев его не видел.

— Скучно мне, Паша. Охренеть как скучно. Еще пару дней дома посижу — начну с телевизором разговаривать. А через неделю он мне ответит, и тогда вы все поймете, что человека надо было спасать.

Ковалев усмехнулся.

— Лечиться не пробовал?

— Пробовал. Не мое.

— Ну так приезжай, разгони тоску! — хохотнул он.

Добрыня выпрямился. Резкое движение сразу отдало под ребрами, пришлось прижать ладонь к боку и переждать.

— Куда?

— В управление архитектуры. Только я пошутил, Горский!

— Поздно. Приглашение принято.

Он завершил вызов прежде, чем Ковалев успел возразить, и сунул телефон во внутренний карман кителя. Фуражка уже лежала на тумбочке возле двери. Добрыня надел пальто, но застегнул его не сразу. Пальцы почему-то не слушались и дважды пропустили пуговицу.

На улице оказалось холоднее, чем он ожидал. Дождь почти закончился, но ветер гнал по асфальту мелкие капли и забирался под воротник. Добрыня вызвал такси и дождался машины под козырьком подъезда, старательно не думая о красном шраме через лицо.

Ремень безопасности лег точно на больное место. Пришлось немного оттянуть его рукой и всю дорогу держать так, чтобы не давил. Водитель несколько раз косился, но ничего не спрашивал. Только возле управления, когда Горский слишком долго сидел после остановки, все-таки обернулся.

— Нормально все?

— Отлично, — ответил он и достал телефон. — Я всегда перед выходом из машины с жизнью прощаюсь. Привычка.

Водитель покачал головой. Горский расплатился, открыл дверь и медленно выбрался наружу. Перед глазами сразу поплыли темные пятна. Он оперся ладонью о крышу автомобиля и сделал вид, что рассматривает большое серое здание напротив.

Городское управление архитектуры занимало бывший проектный институт. Шесть этажей, длинные окна и широ-

кое крыльцо с облупившимися ступенями. Над входом висела новая синяя вывеска, которая совершенно не подходила старому фасаду.

Когда зрение прояснилось, Добрыня убрал руку с машины и направился к зданию. Ковалев встретил его возле турникета. Стоял, прислонившись плечом к стене, и разговаривал с охранником. Увидев Горского, сначала удивился, а потом посмотрел на часы.

— Ты больной.

— Очень приятно, что ты заметил. Обычно люди стесняются говорить мне такое в лицо.

— Я не в этом смысле. Ты чего реально приперся?

— Сам же позвал.

— Да я же прикололся!

— А я нет, когда сказал, что рехнусь дома.

Ковалев выругался и повернулся к охраннику.

— Он со мной.

Тот посмотрел на форму Добрыни, потом на его лицо и молча открыл турникет. Горский прошел следом за Ковалевым. Лифт находился в дальнем конце холла. Поднимались они на четвертый этаж.

В кабине Ковалев несколько раз поглядывал на Добрыню, но молчал. Потом все-таки не выдержал:

— Волкова знает, где ты?

— А ты хочешь ей доложить?

— Я хочу понять, потом мне влетит или сразу.

— Скажешь, что не смог отбиться. Я был вооружен и очень убедителен.

— Чем вооружен? Больничным листом?

— Не завидуй.

Двери открылись. Ковалев вышел первым и повел его по длинному коридору. За стеклянными перегородками стояли столы, шкафы с папками и большие тубусы с чертежами. Людей было немного. Кто-то печатал, женщина возле окна разговаривала по телефону, за одной из дверей негромко ругались из-за неправильно составленной сметы.

Добрыня услышал все сразу. Женщину, которая шепотом жаловалась собеседнику на начальника. Мужчину в соседнем кабинете, щелкающего колпачком ручки. Старый принтер в конце коридора, захватывающий сразу по два листа. Даже часы за стеклянной перегородкой тикали слишком отчетливо. Он остановился.

— Чего? — обернулся Ковалев.

— Да ничего.

— Плохо?

— Тебе обязательно хочется, чтобы я упал?

— Нет. Просто у тебя рожа белая.

— Зато шрам красный. Все уравновешено.

Ковалев покачал головой и открыл дверь небольшого кабинета. За столом сидел мужчина лет пятидесяти в расстегнутом пиджаке. Перед ним стояла кружка с остывшим кофе, рядом лежали папки и несколько распечаток. Увидев Добры-

ню, он вопросительно посмотрел на Ковалева.

— Еще один следователь, — пояснил тот. — Временно безработный, но очень настойчивый.

Мужчина поднялся и протянул руку.

— Виктор Андреевич Плахин. Начальник отдела технического надзора.

Горский пожал ее и сел на свободный стул. Ковалев остался стоять возле стола.

— Мы уже почти закончили, — сказал он. — Виктор Андреевич был непосредственным начальником погибшего. Лапин Сергей Павлович, сорок семь лет. Главный специалист отдела.

Вот теперь у трупа появилось имя. Добрыня повторил его про себя и посмотрел на разложенные бумаги.

— Над чем он работал?

Плахин бросил взгляд на Ковалева. Тот немного помедлил, потом кивнул.

— Обычные проверки. Старый жилой фонд, несколько муниципальных объектов, два здания после реконструкции. Сергей занимался ими последние недели три.

— Кто-нибудь жаловался? Угрожал?

— Да постоянно. Работа такая. Люди не любят, когда им запрещают сносить стены или выписывают предписание. Но до серьезных конфликтов не доходило.

— А домой он планы таскал?

— Да, как выяснилось.

— Зачем?

— Не знаю. Обычно Сергей так не делал.

Начальник отдела пододвинул одну из папок.

— Мы сейчас пытаемся понять, чего здесь не хватает. На его рабочем компьютере остались файлы, но часть документов он распечатывал и забирал. В журнале стоит отметка.

Ковалев сел рядом с Добрыней и открыл папку. Внутри находились копии технических заключений, списки объектов и несколько старых чертежей. Он пролистал их и остановился на таблице.

— Как нам сказали, деньги дома остались. По работе тоже ничего явного. С коллегами не конфликтовал, жалоб на него не было. Развелся несколько лет назад, с бывшей женой отношения нормальные. С дочерью виделся по выходным.

Добрыня слушал вполуха. Из соседнего кабинета продолжал доноситься равномерный щелчок ручки. Каждый раз он попадал точно между словами Ковалева и раздражал все сильнее.

На столе лежал старый план. Горский еще не видел обозначений, только край пожелтевшего листа, выглядывающий из-под таблицы. И почему-то знал, что нужен именно он, и протянул руку.

— Это что?

Ковалев посмотрел на лист.

— Чертеж из квартиры. Там таких несколько.

Добрыня вытащил его и развернул. Толстые стены, узкие

коридоры и лестница, ведущая вниз. В нижней части находилось прямоугольное помещение без подписи. В правом углу стояло обозначение: «КН-3».

— Что значит?

— Пока никто не понял, — ответил Ковалев. — Виктор Андреевич говорит, у них такой маркировки нет.

Начальник отдела подвинул очки выше.

— Возможно, Сергей сам обозначил объект. Он иногда сокращал адреса, чтобы быстрее работать. Но здесь не похоже ни на один из наших.

— Откуда чертеж?

— Из старого архива, судя по бумаге, — сказал Ковалев. — Только ведомственного штампа нет.

Горский провел пальцем по лестнице. В голове возникли штольни под клинкой. Сырые стены, темнота и карты, которые принес Веденеев. Он тогда тоже смотрел на линии и не понимал, куда они ведут. Под ребрами снова потянуло, но теперь боль почти не ощущалась. Что-то другое мешало сосредоточиться. Странная уверенность, что он уже видел этот почерк. Не сам чертеж, а то, как выведены цифры возле стен и обозначены повороты.

— У него была переписка по этим планам? — спросил он.

Плахин повернулся к компьютеру.

— Мы как раз нашли несколько писем. Лапин запрашивал старые документы у реставраторов. Городской архив ответил, что часть материалов передали им еще в девяностых.

— У каких реставраторов?

— Сейчас.

Мужчина несколько раз щелкнул мышкой, открыл почту и нашел нужное письмо. Ковалев встал рядом. Добрыня тоже поднялся, но слишком резко. В животе прострелило, пришлось ухватиться за спинку стула.

— Сядь, — тихо сказал Павел.

— Отстань.

— Горский...

— Я сказал — нормально все.

Он выпрямился и подошел к монитору. На экране было короткое письмо от Лапина, где он просил предоставить копии дореволюционных планов одного из зданий и отдельно уточнял, сохранилась ли схема нижнего уровня. Ответ пришел два дня спустя.

«Уважаемый Сергей Павлович! Запрошенные материалы обнаружены частично. Для уточнения сведений предлагаю связаться со мной лично».

Под письмом стояла подпись.

Сергей Сергеевич Веденеев. Руководитель Соборной гильдии реставраторов.

Добрыня перечитал несколько раз.

— Знаешь его? — спросил Ковалев.

— Виделись как-то.

— По какому делу?

— По тому самому, после которого я теперь выгляжу так

охранительно.

Виктор Андреевич недоуменно посмотрел на него, а Павел нахмурился.

— Он проходил по вашему делу?

— Нет. Помогал.

— Чем?

— Старыми планами. Все, Паш, иди лесом, а?

Горский снова посмотрел на экран. Слишком знакомо. Убийство, старые подземелья и Веденеев, который знает больше, чем говорит. Только теперь Жук лежал в подвале на Заводской, а Сергей Лапин — в собственной квартире на проспекте Строителей. Совпадение не нравилось.

— Еще письма были?

Плахин открыл следующую вкладку.

— Лапин ответил, что приедет. Потом уточнил насчет какого-то помещения. Вот.

Добрыня наклонился ближе.

«На присланном плане обозначена лестница, отсутствующая в современной документации. Нижнее помещение не имеет номера и назначения. Прошу сообщить, было ли оно заложено при реконструкции либо исключено из схемы позднее».

Ответа не последовало.

— Когда отправил? — спросил он.

— Вечером накануне убийства, — сказал Ковалев. — В двадцать один двенадцать.

Горский достал телефон.

— Ты куда звонишь?

— В службу доставки. Роллов хочу. Проголодался.

Он нашел номер Веденеева и нажал вызов. Сергей Сергеевич ответил почти сразу.

— Слушаю.

— Добрый день. Добрыня Горский. Помните меня?

— Здравствуйте, Добрыня Никитич.

— Вы знали Сергея Павловича Лапина?

Веденеев не ответил. В трубке послышался тихий шорох, словно он прикрыл рукой микрофон или отошел от кого-то подальше.

— Сергей Сергеевич?

— Откуда у вас это имя?

— Он убит.

Снова стало тихо. На этот раз пауза затянулась. Добрыня посмотрел на Ковалева. Тот стоял рядом, скрестив руки, и внимательно слушал.

— Когда? — наконец спросил Веденеев.

— Позавчера ночью.

— Где?

— У себя дома. Он связывался с вами насчет старых планов.

Отец Сергей тяжело выдохнул.

— Да.

— Что это был за объект?

— Не по телефону.

— Тогда скажите про обозначение «КН-3».

После этих слов Веденеев замолчал так резко, что Горский сначала решил: связь прервалась. Посмотрел на экран. Вызов продолжался.

— Сергей Сергеевич, вы меня слышите?

— Слышу.

— Что означает «КН-3»?

— Лучше приезжайте, Добрыня Никитич. По телефону я этого объяснять не стану.

— Я буду через полчаса.

— Хорошо. Я подожду.

Веденеев завершил вызов. Добрыня сунул телефон в карман и потянулся за планом. Ковалев накрыл лист ладонью.

— Даже не думай.

— О чем?

— В гильдию поеду я. Как следователь, который ведет дело. А ты сейчас отправишься домой.

— Веденеев позвал меня.

— Мне плевать, кого он позвал. Официально разговаривать с ним буду я.

Добрыня медленно убрал руку.

— А меня с собой возьмешь?

— Нет.

— Жадный ты, Паша.

— Зато пока еще не уволенный. Если Волкова узнает, что

я позволил человеку на больничном проводить следственные действия, меня вместе с тобой лечиться отправят. В дурку.

— Вместе веселее.

— Горский, я серьезно.

Добрыня вздохнул и поднял ладони.

— Все. Понял. Домой так домой.

Павел подозрительно прищурился. Слишком быстро тот согласился, но сказать ничего не успел. В кармане зазвонил телефон.

— Да, — ответил он и сразу нахмурился. — Когда привезли? Адвокат уже там? Черт. Пусть ждут, я сейчас буду.

Он завершил вызов и выругался. Потом повернулся к Виктору Андреевичу.

— Мне надо срочно вернуться. Подготовьте копии писем и список объектов, которыми занимался Лапин. Ничего не удаляйте и компьютер пока не выключайте. Я пришлю специалиста, он снимет данные.

— Хорошо.

Ковалев собрал бумаги, убрал план в папку и посмотрел на Добрыню.

— А ты со мной.

— Зачем?

— Прослежу, чтобы до дома доехал.

— Паша, ты меня пригласил тоску разогнать, а теперь уже провожать собрался. Так и до отношений недалеко.

— Вот поэтому сам доберешься. Только в гильдию не суйся. Я закончу с задержанным и поеду туда.

— Конечно.

— Что «конечно»?

— Конечно, не сунусь.

— Что-то ты слишком послушный.

— Врачи рекомендовали избегать конфликтов.

Павел несколько секунд смотрел на него, явно не веря ни одному слову. Потом телефон снова зазвонил. Он выругался, прижал трубку к уху и быстро вышел в коридор.

Добрыня дождался, пока его шаги стихнут возле лифта. Затем повернулся к Виктору Андреевичу.

— Где здесь второй выход?

Тот растерялся.

— В конце коридора лестница. А зачем?

— Врачи еще свежий воздух рекомендовали.

Глава 4

Дверь открылась от легкого толчка. Вацлав замер, не успев достать из кармана связку ключей. Несколько секунд смотрел на темную щель, потом на замок. Повреждений не было.

— Стася?

Никто не ответил. Он вошел и закрыл дверь. В прихожей горела лампа. Тусклый желтый свет падал на старые обои, обувную полку и куртку, висевшую возле зеркала. На коврике не хватало кроссовок. Остальные вещи находились на своих местах.

Вацлав медленно снял перчатки, положил на тумбочку и снова позвал:

— Стася, ты дома?

Тишина. Только в ванной шумела вода из плохо закрытого крана. Капли падали в раковину через равные промежутки и раздражали.

Он прошел по короткому коридору. Дверь в ванную была распахнута, свет горел. В раковине остались белые потеки от высохшего мыла, возле смесителя лежало мокрое полотенце. Вацлав закрутил кран и посмотрел в зеркало.

В комнате был привычный беспорядок. Простыня на не застеленной кровати частично сползла на пол. Возле кровати лежал телефон. На спинке стула висела сумка. Рядом ва-

лялась кофта с вывернутым рукавом, словно Стася хотела надеть ее, но передумала или не успела.

Вацлав взял ее телефон. Двенадцать пропущенных вызовов. Все от него. Первые три он сделал вчера вечером, когда Стася не пришла на службу. Остальные — ночью и сегодня утром. Сначала решил, что она опять уснула после своих кошмаров и не слышит звонка. Потом начал злиться.

Он положил телефон на кровать и открыл сумку. Кошелек, салфетки, таблетки, блокнот «Собора» и ключи с розовым единорогом. Деньги и банковская карта остались внутри. Вацлав вытащил ключи и несколько секунд рассматривал брелок.

Она ушла, не заперев квартиру. Не взяла телефон, сумку и куртку. Даже кофту бросила на пол. Значит, не собиралась бежать заранее. Что-то напугало ее настолько, что выскочила среди ночи в одной футболке. Но что?

Он снова осмотрел комнату. Стул стоял немного криво. Никаких следов борьбы, крови и чужого присутствия. Окно закрыто, занавеска отодвинута. За стеклом качались мокрые ветви дерева.

В последние дни Стася была сонная. На занятиях сидела молча и постоянно разглядывала руки. Несколько раз пыталась рассказать о снах, но путалась и замолкала. Вацлав не давил. Уверял, что все происходящее естественно, что новая сила иногда пугает носителя и со временем пройдет. Она верила. Всегда верила.

Он подошел к шкафу и открыл дверцы. Одежда оставалась внутри. На верхней полке лежала старая коробка с документами, ниже — стопка полотенец и несколько растянутых свитеров. Вацлав проверил ящики стола, тумбочку и даже пространство под кроватью. Ничего необычного.

В кухне на столе стояла кружка с засохшим чайным пакетиком. Холодильник оказался почти пустым. Половина батона, открытая пачка молока, два яйца и пластиковый контейнер с едой, которую ей приносили из «Собора». В мусорном ведре лежали только упаковки от таблеток и смятые салфетки.

Он вернулся в комнату и снова взял телефон. Заряда не хватало, но после нескольких попыток экран загорелся. Вацлав ввел знакомый код и открыл список вызовов. Последний исходящий был сделан ему два дня назад. После полуночи никто не звонил и не писал.

Стася не договаривалась о встрече. Не вызывала такси. Не просила помощи. Просто ушла.

Вацлав сжал телефон сильнее. Экран хрустнул под пальцами, по стеклу побежала тонкая трещина. Он разжал руку и отбросил аппарат на кровать.

— Дура.

Она не могла исчезнуть. Не имела права. Он столько времени приучал ее приходить по первому звонку, рассказывал о предназначении и особой силе, убеждал, что только в «Соборе» ее способны понять. Стася смотрела на него с благо-

дарностью и страхом, ловила каждое слово, отчаянно стараясь заслужить одобрение. А теперь сбежала, словно все это ничего не значило.

Он подошел к окну. Во дворе старуха выгуливала маленькую собаку, возле подъезда курил мужчина в рабочей куртке. Обычное утро. Никто не поднимал головы к окнам и не знал, что из этой квартиры исчезло самое ценное оружие Кзальдра.

«Эстимар? Ты до сих пор веришь, что приручил его?»

Голос отца прозвучал в памяти сухо и насмешливо. Вацлав до сих пор помнил каждую интонацию.

«Запомни, когда он выйдет из-под контроля... Кзальдр не простит. Одного ты уже упустил».

Рамон. Мальчишку забрала полиция, а Вацлав даже не понял, когда потерял его окончательно. Лаврентий потом напоминал об этом при каждом удобном случае, чтобы сын снова и снова чувствовал себя неразумным щенком, которому доверили слишком многое.

Телефон завибрировал в кармане. Вацлав вздрогнул и сразу разозлился на себя. Достал аппарат, посмотрел на номер и медленно выдохнул.

— Легок на помине, — пробормотал он и принял вызов.
— Слушаю, отец.

— Ты потерял сосуд.

Вацлав застыл. Первым желанием было посмотреть на окна соседнего дома, проверить двор и лестничную площадку.

Глупость. Лаврентий не мог видеть его сейчас и не мог знать, где он находится.

— Я никого не потерял.

— Тогда где она?

— Найду.

— Это не ответ.

Он отвернулся от окна и прошелся по комнате. Под подошвой хрустнул какой-то мелкий мусор. Он посмотрел вниз, но увидел только засохший комок грязи возле ножки стула.

— Она ушла всего несколько часов назад. Без телефона, денег и теплой одежды. Далеко не могла уйти.

— Ты говорил то же самое о мальчишке.

Пальцы сжались вокруг телефона.

— Рамона забрала полиция.

— Потому что ты позволил.

— Я не мог ворваться в отдел и забрать его оттуда!

— Не мог или не догадался сделать это раньше?

Вацлав промолчал. Отец всегда умел задать вопрос, на который невозможно ответить, не признав собственную слабость.

— Откуда ты знаешь о Стасе? — зачем-то спросил он, хотя прекрасно понимал ответ.

— Он сообщил мне.

— Сам?

— Я его Наместник, — холодно напомнил Лаврентий. —

Или ты снова забыл, какое место занимаешь?

Вацлав усмехнулся. Отец не видел, и это хорошо. Пусть пока считает место своим.

— Не забыл.

— Тогда почему я узнаю об исчезновении сосуда от Кзальдра, а не от тебя?

— Потому что она не исчезла. Девчонка испугалась очередного кошмара и убежала. Я верну ее.

— Ты даже не знаешь, чего она испугалась.

— Узнаю.

— Самоуверенность уже стоила тебе одного проводника. Теперь ты рискуешь потерять оружие.

Вацлав подошел к кровати и посмотрел на треснувший экран телефона Стаси. Внутри поднималась ярость на девчонку, которая снова выставила его беспомощным перед отцом.

— Этого не произойдет.

— Произошло. Сосуд не отвечает, и ты не знаешь, где он находится.

— Она вернется.

— Нет. Ты ее вернешь.

Лаврентий произнес это почти спокойно. Без крика и угроз. Но слова прозвучали слишком жестко.

— Сколько у меня времени?

В трубке слышалось тихое дыхание.

— Пока Кзальдр готов ждать.

— Очень точный ответ.

— Другого ты не заслужил.

Вацлав закрыл глаза. Хотелось высказать все, что копи-лось годами. Спросить, почему отец каждый раз разговари-вает с ним как с нерадивым слугой. Напомнить, кто призвал Лихо, вычислил наследника Большака и подготовил город к приходу Кзальдра. Но он промолчал. Некоторые тайны нель-зя выдавать даже в ярости.

— Я найду ее, — повторил он.

— Найди. И верни раньше, чем Кзальдр потребует свое оружие. Если не успеешь, перед ним будешь стоять ты. Один.

Разговор оборвался. Вацлав медленно опустил телефон и посмотрел на потухший экран. Отец не сомневался, что Кзальдр станет спрашивать с него. Был уверен, что сам оста-нется рядом, защищенный званием Наместника и долгими годами службы.

— Посмотрим.

Он усмехнулся, вышел в коридор и набрал номер дежур-ного администратора «Собора». Ответили сразу.

— Вацлав Лаврентьевич?

— Собери людей. Только тех, кому можно доверять.

— Сколько?

— Всех.

— Что случилось?

— Пропала Стася Кривова. Ушла из дома без телефона, денег и теплой одежды.

На другом конце растерянно замолчали.

— В полицию не обращаться?

— Нет. Никакой полиции. Проверьте больницы, вокзалы, круглосуточные магазины и подвалы. Покажите фотографию, но не называйте «Собор». Если кто-то ее видел, сначала сообщаете мне. Сами не подходите.

— Почему?

Вацлав посмотрел в зеркало. Из него глядел молодой красивый мужчина в темном пальто. Спокойный, уверенный и совершенно чужой этой убогой квартире.

— Она напугана и может повести себя непредсказуемо. Выполняй.

— Да, Вацлав Лаврентьевич.

Он завершил вызов, взял с тумбочки перчатки и надел. Перед уходом вернулся в комнату. Стася оставила все, что связывало ее с прежней жизнью. Но без денег и документов долго не продержится. Замерзнет, проголодается или сама попросит помощи. К тому же она была одна и не умела прятаться.

Вацлав поднял с пола брошенную кофту, аккуратно положил на стул и вышел из квартиры. Дверь запер ее ключами. На лестничной площадке достал телефон и еще раз посмотрел на время. Люди «Собора» начнут с вокзалов. Если повезет, найдут Стасю раньше полиции. А если не повезет, он найдет ее сам. И тогда девчонка наконец поймет, что от своего предназначения не убегают.

Из здания управления Добрыня вышел через лестницу в конце коридора. Спускался медленно, держась за перила. На первом этаже пришлось остановиться. Под ребрами тянуло так, словно кто-то засунул пальцы в незажившую рану и медленно поворачивал. Он прислонился плечом к стене, переждал и вышел во двор через служебную дверь.

Дождь закончился, но асфальт еще блестел. С карниза капало прямо на ступени, возле мусорных баков курил мужчина в рабочей куртке. Он равнодушно посмотрел на Горского и отвернулся. Тот достал телефон и вызвал такси. Пока машина ехала, Ковалев успел позвонить дважды. Первый вызов он сбросил, на второй ответил.

— Ты где? — сразу спросил Павел. На заднем плане хлопнула дверь и кто-то громко потребовал адвоката.

— На улице. Ты же сам велел домой ехать.

— От управления уже отъехал?

— Паша, ты меня контролировать решил? Я польщен, конечно, но у нас ничего не получится. У меня требования высокие.

Ковалев шумно выдохнул.

— Горский, я серьезно. Только попробуй сунуться к Веденееву без меня.

— Да понял я. Ты там со своим задержанным разбирайся, не отвлекайся.

— К вечеру освобожусь и сам к нему поеду. Если узнаю,

что ты...

Добрыня завершил вызов и убрал телефон в карман. Подъехало такси, старая белая иномарка с треснутой фарой. Он открыл дверь и осторожно сел.

— Куда? — спросил водитель, бросив взгляд в зеркало.

— В гильдию реставраторов. Сейчас адрес назову.

Машина тронулась. Лейтенант откинулся на сиденье и закрыл глаза. Ехать оказалось хуже, чем ходить, и это невыносимо бесило. На каждой яме боль отдавала в бок, ремень давил на грудь, а водитель будто специально собирал все выбоины.

Через двадцать минут такси остановилось возле знакомой арки. Добрыня расплатился, выбрался из машины и несколько секунд стоял, собираясь с силами. До железной двери в глубине двора оставалось метров тридцать, но сейчас они казались расстоянием от управления до его дома.

Табличка «Соборная гильдия реставраторов “Собор”» висела на прежнем месте. Навесной замок исчез, дверь была приоткрыта. Изнутри доносился стук и приглушенные мужские голоса.

Гильдия снова работала. За одним из длинных столов женщина в фартуке расчищала небольшой фрагмент росписи. Возле стены двое мужчин перекладывали коробки, из которых торчали свернутые кальки. Пахло клеем, старой бумагой и сырой штукатуркой.

Сергей Сергеевич сидел за дальним столом. Перед ним ле-

жала раскрытая книга, рядом стояла кружка. Услышав шаги, он поднял голову и снял очки.

— Добрый день, — сказал Добрыня, подходя ближе. — Я быстро.

— Это вряд ли, Добрыня Никитич, — спокойно ответил Веденеев. Он закрыл книгу и указал на стул. — Садитесь, пока не упали.

— Я настолько хреново выгляжу?

— Вы выглядите как человек, который сбежал из больницы и теперь очень старается доказать, что сделал это не зря. Садитесь.

Тот хотел ответить колкостью, но передумал. Отодвинул стул, осторожно опустился и расстегнул китель. Дышать стало немного легче. Сергей Сергеевич некоторое время рассматривал его. Взгляд задержался на шраме, спустился к руке, которой Горский придерживал бок, и снова вернулся к лицу.

— Значит, Сергей Павлович мертв, — произнес он негромко. Лицо осталось спокойным, только пальцы сильнее сжали дужку очков. — Я все надеялся, что вы ошиблись.

— Мы редко ошибаемся в таких вещах. Особенно когда труп лежит в собственной квартире.

Веденеев надел очки, но к книге не вернулся.

— Вы сказали, его убили позавчера ночью. Кто нашел?

— Соседка слышала крик и вызвала полицию. Дверь была заперта изнутри, окна тоже. Убийца как будто через стену

вышел.

Отец Сергей посмотрел на него.

— А вы поэтому приехали? Рассказать мне про запертую дверь?

— Нет. Из-за КН-3.

За соседним столом звякнул инструмент. Женщина в фартуке выругалась себе под нос, подняла упавший шпатель и продолжила работать. Веденеев молчал. Добрыня подался вперед и сразу пожалел об этом. В боку дернуло, пришлось выпрямиться и сделать вид, как будто он просто устраивается удобнее.

— План я толком не рассмотрел. Старый, весь в линиях и пометках. На нем здание с толстыми стенами. От лестницы идет еще одна вниз, хотя на современных схемах ее нет. Внизу прямоугольное помещение без номера и назначения. Рядом написано «КН-3».

— Не мучайтесь, — перебил Веденеев, снял очки и устало потер переносицу. — Я понял, о чем вы.

— Откуда?

— Сергей Павлович спрашивал меня о том же.

— Когда? — спросил Горский уже без улыбки. — И почему вы не сказали по телефону? В почте его ответа от вас не было. А сейчас получается, что он все-таки говорил с вами об этом!

— Потому что по телефону вы задавали вопросы так, словно рядом с вами стоял кто-то еще. Я не ошибся?

— Не ошиблись. Следовательно, который ведет дело. Он тоже сюда собирался, но ему помешали.

— А вам, значит, ничего не помешало.

— Пытались. Не вышло.

Сергей Сергеевич почти улыбнулся, но тут же снова стал серьезным. Он поднялся, прошел к стеллажу и достал тонкую картонную папку. Вернувшись, положил ее на стол, но открывать не стал.

— Лапин написал мне неделю назад. Представился, сообщил, где работает, и попросил сведения по нескольким старым зданиям. Обычный запрос. Таких приходит много.

— Вы отправили ему план?

— Копию фрагмента из открытого фонда. На ней не было ничего секретного. Бывший монастырский корпус, позднее перестроенный под административные нужды. Сергей Павлович ответил почти сразу. Спросил, почему одна лестница не совпадает с современной документацией.

— И про помещение без номера?

— Да. Он назвал обозначение. КН-3.

Добрыня посмотрел на папку.

— Что вы ему ответили?

— Ничего.

— Почему?

Веденеев провел ладонью по картону, вытер невидимую пыль и долго не поднимал головы.

— Не знал, что отвечать. И хотел сначала понять, откуда у

него этот план целиком. Тот фрагмент, который отправил я, обрывался выше нижнего помещения. КН-3 на нем не было.

— Значит, у Лапина имелась другая копия?

— Значит, нашел где-то.

— Где?

Сергей Сергеевич поднял глаза.

— Если бы я знал, Добрыня Никитич, не сидел бы сейчас перед вами.

Горский раздраженно провел ладонью по волосам. Ковалев забрал план, но копии писем из управления все равно получит. Только письма не объясняли, откуда появился полный чертеж и почему через несколько часов Лапина выпотрошили в запертой квартире.

— Что означает КН-3? Только не говорите, что не знаете. Вы по телефону замолчали так, как будто я вам имя покойника назвал.

— Имя покойника вы называли раньше.

— Сергей Сергеевич.

— Не знаю... По крайней мере, точно.

Добрыня молчал. Старик выдержал его взгляд и тяжело вздохнул.

— Это обозначение встречалось в старых бумагах Ордена. Не на планах, а в переписках и описях. Несколько раз. Всегда без объяснений, словно все и так понимали, о чем идет речь.

— Как расшифровывается?

— Не указано. «К» может означать камеру, келью, крип-

ту, колодец. «Н» — нижнюю, новую или номерную. Тройка тоже не обязательно номер помещения. Иногда так помечали третью редакцию чертежа.

— Очень полезно. Осталось выбрать один вариант из сот-ни.

— Поэтому я и не ответил Лапину.

— А потом его убили.

— Потом его убили, — согласился Сергей Сергеевич и впервые посмотрел на Горского с нескрываемой тревогой. — Значит, он подобрался ближе, чем те, кто искал до него.

Добрыня перестал теревить край кителя.

— Кто искал?

— Люди из Ордена. Еще до того, как его окончательно разогнали. В документах есть упоминания о проверках подвалов, обмерах и вскрытых кладках. Они искали КН-3 несколько лет, но не нашли.

— А потом?

— Потом бумаги изъяли. Часть сожгли, часть разошлась по архивам. Что-то попало к нам. Но самого плана с помещением у меня никогда не было.

Добрыня кивнул на картонную папку.

— А там что?

— Переписка. Копии трех упоминаний. Можете посмотреть, но ничего нового не узнаете.

Веденеев открыл папку и придвинул ее. Внутри лежали пожелтевшие листы в прозрачных файлах. Дореволюцион-

ная орфография, выцветшие чернила, печати. Добрыня пробежал глазами первую страницу, вторую и нашел подчеркнутую карандашом строку: «обследование КН-3 вновь отложить по причине отсутствия прямого входа». Ниже стояла дата. Девятьсот шестнадцатый год.

— Отсутствия прямого входа, — прочитал он вслух. — А не прямой был?

— Не знаю.

— Может, его заложили?

— Все может быть. Но тогда написали бы о заложенной двери или кладке. Здесь сказано именно об отсутствии входа.

Горский перевернул страницу. В другом письме упоминалось, что «нижняя камера на прежнем месте не обнаружена». Больше ничего полезного не было.

— Помещение взяло и ушло? — спросил он. — Вместе с лестницей?

— Старые чертежи часто неточны. Здания перестраивали, подвалы засыпали, стены переносили.

— Вы сами-то в это верите?

Отец Сергей промолчал. Лейтенант вернул листы в папку и откинулся на спинку стула. В боку снова начало пульсировать, к горлу подступила тошнота. Он закрыл глаза на несколько секунд и слышал тихий шорох бумаги.

А потом гильдия исчезла. Перед ним стоял другой Веденеев. Не старик, а крепкий мужчина лет сорока с небольшим,

в темной форме без знаков различия. Рядом двигались те-ни людей. Женщина с собранными волосами склонилась над картой, крупный мужчина держал ладонь на ее плече. Еще кто-то стоял спиной, заслоняя свет.

Видение пропало раньше, чем Горский успел рассмотреть лица. Он резко открыл глаза и вцепился пальцами в край стола.

— Что с вами? — спросил Веденеев. Он уже поднялся и внимательно смотрел на него.

— Ничего. Бок прихватило.

— Вам действительно надо лежать.

— Все сегодня сговорились.

Добрыня медленно разжал пальцы. На столе остались полукруглые следы от ногтей. Сергей Сергеевич проследил за его рукой, потом посмотрел в лицо и вдруг замер.

— Что? — насторожился Горский. — Чего вы так смотрите?

— Показалось... В моем возрасте такое бывает.

— Да и в моем, судя по всему, тоже.

Старик закрыл папку. На этот раз убрал ее не на стеллаж, а в нижний ящик стола и повернул ключ.

— Лапин больше ничего вам не писал? — спросил Добрыня. — Не звонил, не приезжал?

— Вчера собирался приехать. Написал несколько дней назад, что нашел подтверждение существования нижнего помещения и хочет показать документы лично.

— Какие документы?

— Не сказал.

— И, естественно, не приехал.

— Теперь я знаю почему.

Лейтенант поднялся слишком резко. Пол качнулся, перед глазами потемнело, и он ухватился за спинку стула. Отец Сергей шагнул к нему, но тот выпрямился и поднял ладонь.

— Не надо. Сам.

— Упрямство отца вам досталось, — тихо произнес Веденеев.

Добрыня медленно повернул голову.

— Вы знаете моего отца?

Сергей Сергеевич замялся, отступил к столу и взял закрытую книгу.

— В вашем Главке много людей. Наверняка встречались.

— Он не всегда работал в Главке.

— Значит, встречались раньше.

— Когда?

— Сейчас речь не о нем.

Добрыня несколько секунд смотрел на старика. Тот открыл книгу на прежней странице, давая понять, что продолжать не станет.

— Конечно, — протянул Горский. — Здесь вообще никогда речь не о нем. Даже когда речь прямо о нем. Капец просто!

В кармане завибрировал телефон. На экране высветился

Ковалев. Добрыня сбросил вызов и застегнул китель.

— Если Лапин сказал правду, где искать это помещение?

— Не знаю, — ответил Веденеев. — Но Сергей Павлович явно нашел не только обозначение. Иначе был бы жив.

— Это я уже понял.

Горский направился к выходу. Возле первого стола пришлось остановиться, пропуская мужчину с коробкой. Женщина в фартуке подняла голову, посмотрела на его шрам и тут же отвела глаза.

У двери он обернулся. Сергей Сергеевич сидел над книгой, но не читал. Смотрел в одну точку и медленно постукивал пальцем по закрытой странице.

— Если вспомните что-нибудь еще, позвоните. Только на этот раз не ждите, пока убьют следующего.

Веденеев поднял голову.

— А вы не торопитесь искать то, чего пока не понимаете, товарищ лейтенант. Иногда вход не находят потому, что он закрыт. А иногда — потому, что ему еще некого впускать.

— Очень обнадеживает.

Он вышел во двор. Сырой воздух показался холоднее, чем полчаса назад. Он достал сигареты, закурил и прислонился к стене возле двери. Потом снова затянулся и достал телефон. Ковалев больше не звонил. Зато на экране висело сообщение от него: «Если ты у Веденева, я тебя лично придушу».

Горский усмехнулся и набрал ответ: «Не отвлекайся от работы. Я дома».

Отправил, убрал телефон и медленно пошел к арке. Через несколько шагов улыбка исчезла. В памяти снова возник молодой Веденеев, женщина над картой и широкая спина мужчины. Он остановился, обернулся на железную дверь и нахмурился. Покачал головой и пошел дальше.

Глава 5

Стася вышла с вокзальной площади и пошла куда глаза глядят. Дождь почти закончился, но мелкие холодные капли еще висели в воздухе и оседали на волосах. Она не пыталась понять, куда идет. Главное — подальше от полицейских у входа и телевизора, на котором снова могло появиться лицо того мужчины.

Несколько раз ей казалось, что кто-то идет следом. Стася оборачивалась, останавливалась возле витрин и пропускала людей вперед. Никто за ней не следил. Пожилая женщина торопилась к автобусу, мужчина в рабочей куртке разговаривал по телефону, двое школьников толкались на ходу и громко смеялись. Город жил обычной жизнью. На остановках собирались люди, машины шипели колесами по мокрому асфальту, из открытой двери пекарни пахло горячим хлебом. От запаха свело пустой желудок, но есть по-прежнему не хотелось. Она задержалась возле витрины, посмотрела на румяные пироги и пошла дальше.

Устала она через несколько кварталов. Ноги дрожали, мокрые кроссовки натирали пятки, а в голове снова начало кружиться. Пришлось сесть на лавку возле закрытого цветочного магазина и спрятать руки между коленей. Правая выглядела совершенно обычной. Сколько Стася ни всматривалась, кожа не темнела, пальцы не вытягивались и не пре-

вращались в лезвие.

Рядом остановился автобус. Двери открылись, выпуская теплый воздух и нескольких пассажиров. Стася посмотрела на номер маршрута и узнала его. Тот шел почти до ее дома, только денег на проезд не было. Можно попросить водителя, объяснить, что сумку украла, но тогда придется разговаривать и отвечать на вопросы.

Автобус уехал. Она еще немного посидела, затем поднялась и побрела по знакомой улице. Решение вернуться домой пришло незаметно. Сначала она сказала себе, что просто пройдет несколько кварталов в ту сторону. Потом решила дойти до соседнего проспекта, а дальше — до магазина, в котором обычно покупала продукты. Когда впереди появились знакомые девятиэтажки, поворачивать назад было уже поздно.

Возле подъезда Стася остановилась. В окнах ее квартиры не горел свет. Наверное, это Вацлав Лаврентьевич искал ее. А потом поехал в полицию. От мысли, что он мог заявить о ее исчезновении, стало страшно. Полицейские обязательно начнут спрашивать, где она провела три дня и почему убежала.

Она вошла в подъезд вместе с женщиной, которая придержала тяжелую дверь, и медленно поднялась по лестнице. Лифта ждать не стала. На каждом этаже приходилось останавливаться, потому что темнело в глазах и ноги отказывались идти дальше. До своей площадки Стася добралась по-

что через десять минут. Она нажала на ручку, но замок не поддался. Она точно помнила, что убегала в таком ужасе, что не заперла за собой дверь. Значит, за это время кто-то приходил.

Она прислушалась. Из квартиры не доносилось ни звука. Немного помедлив, Стася нажала на звонок. Почти сразу внутри послышались шаги и щелкнул замок. Открыл Вацлав Лаврентьевич — красивый, как всегда, в черной рубашке с расстегнутым воротом. Только волосы слегка растрепались, а привычного спокойствия в глазах не было. Он молча смотрел, и она заговорила первой.

— Простите меня, пожалуйста. Я не хотела, чтобы вы волновались, просто испугалась и не понимала, куда идти.

Вацлав Лаврентьевич быстро шагнул вперед и взял ее за плечи. Пальцы сжались слишком сильно, но тут же ослабли. Он притянул Стасю к себе, прижал ладонью ее голову и шумно выдохнул.

— Господи, девочка, где ты была? Я третий день не нахожу себе места. Почему ты не позвонила мне?

— Телефон дома остался. Сумка тоже, я ничего с собой не взяла.

— Я вижу, — тихо произнес он и немного отстранился. — Ты ледяная. Заходи скорее, пока окончательно не заболела.

В квартире было тепло. На кухонном столе стояли две чашки, лежала открытая пачка печенья, а рядом с ней — телефон Вацлава Лаврентьевича. Значит, он действительно

ждал ее. Стася опустила глаза и почувствовала себя еще хуже.

— Сначала в душ, — сказал он, закрывая дверь. — Потом поговорим, только не спорь со мной сейчас.

В ванной она долго стояла под горячей водой, пока кожа не покраснела, а пальцы не перестали дрожать. Несколько раз поднимала правую руку и снова рассматривала ее сквозь струи. Все было нормально. Обычная рука, которая никогда не могла пробить человеку плечо и войти глубоко в стену.

Из зеркала на нее смотрело собственное бледное лицо. Стася старалась не задерживать на нем взгляд. Быстро вытерлась, надела домашние брюки и теплую кофту, а мокрые вещи оставила в ванной.

Вацлав Лаврентьевич ждал на кухне. Перед ним стояла нетронутая чашка, четки лежали возле правой руки. На столе появилась тарелка с разогретым супом, когда тот решил его приготовить, было непонятно. Значит, он действительно переживал и ждал ее. От одного запаха к горлу подступила тошнота.

— Я не хочу, — призналась Стася, останавливаясь в дверях. — Правда не могу.

— Хотя бы несколько ложек. Я же старался. Ты едва на ногах держишься.

Она села и взяла ложку. Первый глоток пришлось заставить себя проглотить, второй дался немного легче. Вацлав Лаврентьевич не торопил и ни о чем не спрашивал, но

смотрел слишком внимательно, перекатывая между пальцами темную бусину.

— Я была на вокзале, — заговорила Стася, когда молчать стало невыносимо. — Там тепло и люди постоянно ходят. Я думала, если со мной опять что-нибудь случится, то кто-нибудь остановит.

— Что именно должно было случиться? — спросил он спокойно. — Расскажи мне с самого начала.

Она положила ложку. Бульон качнулся в тарелке, на поверхности расплылся жирный желтый круг.

— Мне приснился человек. Он сидел в кресле у окна и работал на ноутбуке. Потом увидел меня и очень испугался. Предлагал деньги, говорил, что никому ничего не расскажет.

Яропольцев перестал перебирать четки. Лицо осталось спокойным, но пальцы крепче сжали бусину.

— Что произошло дальше?

— Я его убила.

Сказать это вслух оказалось страшнее, чем помнить. Стася зажмурилась, но сразу увидела перед собой распоротую белую рубашку. Пришлось открыть глаза и смотреть на стол.

— Я не видела себя со стороны. Просто знала, что это я. Чувствовала каждый удар, как будто мои руки стали оружием. Когда проснулась, решила, что приснилось. А потом посмотрела в зеркало.

— И что ты увидела?

— Мужчину. Он стоял вместо меня. Все лицо в шрамах,

волосы длинные, на нем какая-то старая одежда. Потом моя рука... — Стася сглотнула и спрятала ладони под стол. — Она изменилась. На секунду стала длинным лезвием, а потом опять обычной.

Вацлав медленно откинулся на спинку стула. В глазах мелькнуло что-то странное, от чего Стасе стало не по себе.

— Он что-нибудь говорил? Ты слышала его голос?

Она покачала головой. Лгать ему раньше не получалось, но сейчас слово осталось внутри и не сорвалось с языка.

— Не помню. Я очень испугалась и убежала.

Он смотрел на нее еще несколько секунд, а потом лицо смягчилось, и Вацлав протянул руку. Стася не сразу, но все-таки вложила в нее свои пальцы.

— Ты не убивала того человека, — твердо произнес он. — Ты была здесь и спала. Это главное, что ты должна помнить.

— Но он существовал. На вокзале показали новости, его звали Сергей Лапин. В репортаже была та же квартира, кресло, даже чашка на подоконнике. Я видела фотографию его дочери, хотя ее даже не показали по телевизору.

Он погладил ее руку большим пальцем. Прикосновение было теплым и привычным.

— Иногда человек способен увидеть больше, чем позволяет обычное зрение. Ты избранная. Твое сознание до сих пор пытается справиться с этим.

— Я видела его смерть?

— Возможно. Но видеть не значит совершить. Ты ведь

понимаешь разницу?

Стася кивнула, хотя никакой разницы уже не понимала. Ее тело помнило удары.

— Мне надо пойти в полицию, — сказала она. — Там же есть тот майор... Батьков. Он, наверное, выслушает.

— И что ты ему расскажешь? Что увидела убийство во сне и превратилась в чудовище перед зеркалом? Тебя отправят в больницу, начнут давать лекарства и задавать вопросы. В лучшем случае решат, что ты больна. В худшем — заподозрят в убийстве.

— Но меня там не было.

— Полиция не всегда верит правде, особенно если правда звучит безумно. Ты сама испугалась собственного рассказа, а от чужих людей ждешь понимания.

Он говорил почти ласково, и Стася постепенно переставала дрожать. Вацлав Лаврентьевич всегда умел раскладывать страшное на простые и понятные части. Рядом с ним все произошедшее уже не казалось таким безумием.

— Я не хочу оставаться здесь одна, — призналась она. — Я боюсь уснуть.

— Одна ты больше не останешься. Поживешь пока в «Соборе». Там есть свободная комната, тебя никто не потревожит.

Стася подняла на него глаза. Возвращаться туда после всего случившегося было страшно, но не так, как оставаться в квартире.

— А другие не станут спрашивать, почему я там живу?

— Большинство даже не узнает. Комната находится в служебной части, посторонние туда не ходят. Ты отдохнешь, придешь в себя, а потом мы вместе решим, что делать дальше.

Он говорил спокойно, и Стася постепенно переставала ждать, что сейчас ее начнут ругать. Вацлав Лаврентьевич смотрел на нее с тревогой, видимо, действительно боялся снова потерять.

— Доешь хотя бы половину, потом поедем, — добавил он. — И больше тебе не придется бояться, что рядом никого нет.

К «Собору» они приехали уже в темноте. В главном холле горела только лампа под зеленым абажуром, стойка администратора пустовала. Пахло благовониями и жареным луком, и она поспешно прикрыла рот ладонью.

— Тебе плохо? — Вацлав остановился рядом. — Может, принести воды?

— Нет, все нормально. Просто запах сильный.

Он посмотрел внимательнее, но расспрашивать не стал. Провел ее по длинному коридору, миновал зал принятия и свернул к служебным помещениям. Здесь было тише, под потолком горели редкие лампы, за закрытыми дверями никто не разговаривал. Комната находилась почти в самом конце. Яропольцев достал из кармана ключ, открыл замок и пропустил Стасю вперед.

Помещение оказалось небольшим. Узкая кровать стояла

у стены, напротив нее — старый шкаф и стол с двумя ящиками. На окне висели бежевые занавески. В углу возле двери притулилась тумбочка.

— Здесь иногда остаются те, кому некуда ехать после вечерней службы, — пояснил Вацлав Лаврентьевич. — Постельное белье сейчас принесут. Ванная дальше по коридору, третья дверь справа.

Стася села на край кровати.

— Вы останетесь? Хотя бы ненадолго.

— Мне нужно сделать несколько звонков. Я вернусь утром, а до тех пор ты будешь не одна. Пелагея Матвеевна еще на кухне и заглянет к тебе. Я распоряджусь.

Она знала Пелагею Матвеевну. Грузная пожилая женщина обычно стояла возле раздачи, командовала помощницами и всегда подкладывала ей лишний пирожок, если думала, что никто не видит.

— Только не рассказывайте ей, что со мной произошло, — попросила Стася. — Пожалуйста.

— Я никому ничего не расскажу. Скажу, что ты плохо себя чувствуешь и тебе нужен покой.

Вацлав присел перед ней и взял за руки. Он смотрел прямо в глаза, не позволяя отвести взгляд.

— Если снова приснится тот человек или произойдет что-нибудь странное, сразу приходи ко мне или позвони. Не убегай и не пытайся справиться одна. Ты обещаешь?

— Обещаю.

— Вот и хорошо. Теперь ложись и постарайся уснуть.

Он погладил ее по волосам, поднялся и направился к двери. На пороге остановился, еще раз посмотрел на Стасю и улыбнулся.

— Все уже позади. Здесь тебе нечего бояться.

Дверь закрылась. Она осталась одна и сразу поняла, что тишина ей не нравится. За стеной что-то едва слышно гудело, в коридоре скрипнула половица, потом снова стало тихо. Она легла и уставилась в потолок.

Спать нельзя. Стоило закрыть глаза, и перед ней появлялся тот мужчина, выставлял перед собой руки и обещал никому ничего не рассказывать.

В дверь постучали. Она вздрогнула.

— Кто там?

— А кому ж еще быть-то? Я, значица, — донесся знакомый голос. — Отворяй, девонька. Руки заняты.

Стася поднялась и открыла. На пороге стояла Пелагея Матвеевна с большим подносом. В длинном темном платье с широким передником. Седые волосы были собраны в тугой пучок, щекастое добродушное лицо покраснело от кухонного жара. На подносе стояли кружка с молоком, миска супа и тарелка пирожков.

Пелагея Матвеевна окинула Стасю быстрым взглядом и сразу запричитала:

— Ой, батюшки! Да что ж ты такая бледная-то? Вацлав Лаврентьевич сказал, прихворнула, а ты ж на себя не похожа

совсем. Пушай, говорю, доктору покажут, а он — отдых ей нужен.

— Я не заболела. Просто несколько дней почти не ела.

— Чевой?! — Пелагея Матвеевна протиснулась в комнату и поставила поднос на стол. — Несколько дней она не ела! И молчит еще, стоит. Садися давай, покамест я сама тебя ложкой кормить не начала.

— Я не хочу, правда. Меня от еды тошнит.

— А ты сперва попробуй, потом уж решай, тошнит тебя или нет. Супчик легонький, куриный. Я тебе самого бульону налила, без жиру почти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.